

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛЕСНАЯ ЗОНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В МЕЗОЛИТЕ И
НЕОЛИТЕ:
ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Тезисы докладов междисциплинарной конференции,
посвященной юбилею С.В. Ошибкиной

Москва 2023

УДК 902/904
ББК 63.3
Л50

Утверждено к печати
Ученым советом ИА РАН

Организационный комитет конференции

К.и.н. Е.В. Леонова - председатель
К.и.н. Д.К. Еськова – секретарь
Д.И. Чечушкова, Д.С. Толстых, к.и.н. С.Ю. Лев,
А.С. Первакова, Т.А. Маскаева

Ответственный редактор:
Е.В. Леонова

Рецензенты:
к.и.н. С.Ю. Лев, А.А. Симоненко

Лесная зона Восточной Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы и перспективы исследований. Тезисы докладов междисциплинарной конференции, посвященной юбилею С.В. Ошибкиной. Москва, 21–23 ноября 2023 г. М.: ИА РАН, 2023. 75 с.

Сборник содержит материалы междисциплинарной конференции, посвященной юбилею С.В. Ошибкиной. Представленные работы затрагивают вопросы изучения мезолита и неолита лесной зоны Восточной Европы и сопредельных территорий. Анализируются взаимосвязи изменений природной среды и культурных процессов, критерии выделения мезолитических и неолитических культур. Рассматриваются проблемы неолитизации лесной и лесостепной зон Северной Евразии, радиоуглеродной хронологии и возможностей анализа для решения вопросов продолжительности бытования археологических комплексов. Приведены результаты технологического и трасологического анализов каменных и костяных индустрий мезолита и неолита региона, а также технико-типологического изучения неолитических керамических комплексов. Представлены реконструкции способов адаптации первобытных сообществ. Обсуждаются проблемы изучения монументального и мобильного искусства охотников-собирателей. Издание предназначено для археологов, историков и широкого круга читателей, интересующихся археологией и первобытной историей.

ISBN 978-5-94375-427-2
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-427-2

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2023
© Авторы статей, 2023

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

СОДЕРЖАНИЕ

Стоянка Долгое 11 и некоторые вопросы освоения человеком восточной части Волго-Клязьминского междуречья <i>В.А. Аверин, А.В. Аверина</i>	6
Мезолит лесостепного Поволжья: культурная и природная специфика региона <i>К.И. Бородулин</i>	7
Предварительные результаты технологического анализа продуктов расщепления кремня памятника Кокорица 4 в Западной Беларуси (по материалам исследований 2019 года) <i>А.В. Вайтович</i>	8
Материалы и исследования неолитических культур на территории Карелии <i>Т.А. Васильева</i>	9
Проблемные вопросы выделения кудлаевской мезолитической культуры <i>А.Н. Вашинов</i>	10
О южных импульсах в неолитизации лесной зоны <i>А.А. Выборнов, И.Н. Васильева, Ф.Ф. Гилязов, М.А. Кулькова</i>	11
О культурных связях и озёрных осцилляциях: новые исследования раннего мезолита Восточного Прионежья <i>Д.В. Герасимов, Р.И. Муравьёв, М.А. Холкина, К. Маннермаа, Д.Д. Кузнецов, А.В. Лудиков</i>	12
Переход от неолита к эпохе бронзы на юго-восточном берегу Финского залива <i>А.Ю. Городилов, М.А. Раззак</i>	14
Природная среда и культурные особенности неолитического населения торфяниковых стоянок Подолье 1, 3 в Южном Приладожье <i>Т.М. Гусенцова</i>	16
Стоянки Хомутовское болото I, II: памятники классического камского неолита в нижнем течении р. Вишеры, Пермский край <i>Д.А. Демаков, Е.Л. Лычагина, Н.С. Батуева</i>	18
Новые данные о хозяйственной деятельности населения Юго-Восточной Прибалтики (Калининградская область) в эпоху камня <i>О.А. Дружинина</i>	19
Орнаментальные мотивы на неолитической керамике таежной зоны Западной Сибири: общее и особенное <i>Е.Н. Дубовцева</i>	20
Пластинчатые индустрии раннего неолита сертейского микрорегиона <i>Д.К. Еськова, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова</i>	23
Результаты радиоуглеродного датирования стоянки Попово 1 (Восточное Прионежье, культура веретье) <i>Д.К. Еськова</i>	24
Экспериментально-трассологические исследования наконечников стрел в мезолите Горного Крыма <i>М.Г. Жилин</i>	26

Изображения рыб в наскальном творчестве древнего населения Фенноскандии <i>А.М. Жульников</i>	27
Ранненеолитическая керамика поселения Андозеро 2 в Восточном Прионежье в коллекциях Череповецкого музейного объединения <i>М.В. Иванищева</i>	29
Зооморфные скульптурные подвески в лесном неолите Восточной Европы и тотемизм <i>Е.А. Кашина</i>	31
Археолог А.Я. Брюсов – сочинитель и собиратель городского фольклора (по материалам личного архива) <i>Е.А. Кашина</i>	32
Древнейшая керамика на Кольском Севере: типология и хронология <i>А.М. Киселёва</i>	33
Геоморфологические условия формирования неолитических памятников в долине Нижней Вишеры (северо-восток европейской части России) <i>С.В. Копытов, Д.А. Демаков, Е.Л. Лычагина, А.В. Чернов, Н.Е. Зарецкая</i>	34
Костяные зубчатые наконечники на мезолитической стоянке Погостище 15 в бассейне озера Воже (север Вологодской области) <i>Н.В. Косорукова, В.А. Лукинцева, Т.С. Гринина</i>	35
«Перевернутые во времени»: о радиоуглеродной хронологии нео– энеолитических захоронений Сахтышских могильников (центр европейской части России, Ивановская обл.) <i>Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин</i>	36
Синхронизация основных этапов развития материальной культуры раннего голоцена лесной зоны Восточной Европы и Ближнего Востока (к проблеме археологической периодизации) <i>Е.В. Леонова</i>	37
Днепро-Двинское междуречье в контексте раннего неолита лесной зоны Восточной Европы <i>А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова, Д.К. Еськова, В.Л. Филиппова</i>	39
В поисках открытых памятников: полевые и архивные исследования неолитических памятников верховьев Днепра и Западной Двины <i>А.Н. Мазуркевич, Н.А. Кренке, В.Л. Филиппова, Е.В. Долбунова</i>	41
Особенности обработки рога северного оленя на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская обл.) <i>А.А. Малютина, А.И. Мурашкин, С.Д. Такташева</i>	42
Подвески Новобиксентеевского энеолитического могильника <i>В.В. Морозов, В.В. Ставицкий, А.Л. Смирнов, В.И. Данилевская, Э.Т. Султанова</i>	45
Неолитические комплексы поселения Вёкса 3 и развитие растительности на Верхней Сухоне в неолите <i>Н.Г. Недомолкина</i>	48
Использование «белой глины» и изделий из нее в обряде раннего неолитического комплекса Усть-Вагильского холма на Урале <i>С.Н. Панина</i>	50

Охота и охотничье вооружение жителей Жоховской стоянки <i>В.В. Питулько</i>	51
Реконструкция жизнедеятельности мезолитического населения Среднего Зауралья (по материалам разных типов археологических памятников) <i>Ю.Б. Сериков</i>	53
Мезолитические индустрии в Валдайском Приозерье <i>Г.В. Синицына</i>	54
Использование зубов животных в производственной деятельности раннеолитического поселения Мергень 6 (лесостепная зона Западной Сибири) <i>С.Н. Скочина</i>	55
К вопросу о взаимодействии неолитического населения лесостепной и лесной зон Среднего Поволжья <i>А.В. Сомов</i>	56
Некоторые итоги геоархеологических исследований Заболотского торфяника в Подмосковье <i>А.Н. Сорокин, А.В. Панин</i>	58
Протоволоховская керамика Верхнего Поволжья по материалам поселения Парфёново 1 <i>В.В. Ставицкий, В.В. Морозов, В.Н. Карманов, А.Л. Смирнов</i>	59
Концепции выделения цедмарской культуры Юго-Восточной Прибалтики: смена парадигм <i>Е.С. Ткач</i>	62
Использование каменных орудий при обработке рога и кости в неолите и эпоху бронзы на Кольском Севере: предварительные результаты изучения коллекции поселения Маяк 2 <i>Д.Н. Федорова, А.И. Мурашкин, С.Д. Такташева</i>	63
Кремневые наконечники стрел, копий/дротиков начального и раннего неолита верхневолжского региона <i>Н.А. Цветкова</i>	65
Мезолитические стоянки Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 в Нижнем Поочье: сходства и различия в пространственной структуре и типологии каменного инвентаря <i>В.А. Чаукина, Д.К. Еськова, С.Н. Чаукин, К.Н. Гаврилов</i>	66
Культура носителей ямочно-гребенчатой керамики в Марийском Заволжье. Стоянка удельный Шумец V: материалы к анализу вещевого комплекса <i>Е.Г. Шалахов</i>	68
Монументальное и мобильное творчество древнего населения Русской Лапландии <i>В.Я. Шумкин</i>	70
Новый памятник эпохи неолита на верхнем Дону – Доброе 31, поселение <i>Е.С. Юркина, А.В. Кокоткина</i>	72

СТОЯНКА ДОЛГОЕ 11 И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-КЛЯЗЬМИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В.А. Аверин, А.В. Аверина

ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»

Стоянка Долгое 11 располагается в Савинском районе Ивановской области, приурочена к песчаному повышению рельефа одноимённого старичного озера. Памятник открыт в 2013 г. и исследовался на протяжении нескольких лет. Вскрытая площадь – 51 кв. м.

На стоянке выделено два культурных горизонта. Первый залегает на глубине 15–35 см, а второй – 85–105 см от дневной поверхности.

Каменный инвентарь из верхнего слоя характеризуется высокой степенью пластинчатости. Среди находок преобладают пластины (шириной до 10 мм) правильной и неправильной огранки, отщепы и микропластинки без вторичной обработки, изготовленные из высококачественного приносного кремня тёмно-коричневого, бежевого и чёрного цветов. В коллекции присутствуют конические нуклеусы, концевые скребки на пластинах, реже – отщепах, угловые резцы с узкой кромок на пластинах, проколки, ретушированные микропластинки.

Изделия из нижнего культурного горизонта изготовлены из жёлто-коричневого, серого, серовато-жёлтого и красно-коричневого кремня. Качество данного материала значительно ниже по сравнению с сырьевой базой первого культурного слоя. Полученная коллекция немногочисленна, но достаточно выразительна. Присутствуют массивные аморфные нуклеусы от отщепов, скребки, угловые резцы и проколки на отщепах, трапеции.

Долгое 11 – одна из немногих «дюнных» стоянок Волго-Клязьминского междуречья, надёжно датированная методами естественных наук. Палинологический анализ относит формирование нижнего слоя к межстадиалу позднего плейстоцена, а верхнего – к пребореалу. По результатам ОСЛ-датирования возраст нижнего слоя около 13,5–14 тыс. л. н., верхнего – около 9 тыс. л. н.

Верхний культурный слой уже имеет аналогии на ближайших территориях в Южском районе Ивановской области. Так, мезолитический комплекс стоянки Ореховое 6, расположенной в 2,5 км к востоку-юго-востоку, на берегу старичного оз. Ореховое, как по сырью, так и по технологическим характеристикам полностью идентичен ему. Ещё ряд подобных коллекций происходит из раскопок 1960-х – 1970-х гг. стоянок у с. Мордовское, около 10 км к востоку-северо-востоку. Все эти памятники расположены на берегах старичных озёр в низовьях Клязьмы и её левых притоков.

Чуть более «молодым» памятником является стоянка Малая Ламна 3, имеющая радиоуглеродную дату 8800±90 (Ле-2610) л. н. Она также расположена в Южском

районе, на берегу карстового оз. Ламна, в 27 км к СВ. Материалы Ламненской стоянки демонстрируют начало продвижения мезолитического населения от прибрежных зон вглубь территорий и освоение водораздельных пространств. Развитие этого процесса прослеживается на материалах стоянок Утрех 3, 5 и Боровское 3, 18 в Володарском и Балахнинском районах Нижегородской области, относящиеся ко второй половине бореального периода на основании данных палинологического анализа.

МЕЗОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ: КУЛЬТУРНАЯ И ПРИРОДНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНА

К.И. Бородулин

Самарский государственный социально-педагогический университет

Изучение материальной культуры мезолитических комплексов лесостепного Поволжья вызывает особый интерес. Это связано с положением региона, границы которого соприкасаются с двумя природно-климатическими зонами: лесной на севере и степной на юге.

Изучая орудийную специфику мезолитических комплексов лесостепного Поволжья, можно выделить некоторые выразительные категории: рубящие орудия и пластинчатые наконечники стрел.

На Красноярской мезолитической стоянке было обнаружено рубящее орудие вытянутой формы, оббитое с двух сторон.

Серия рубящих орудий была получена при изучении стоянки Чекалино II: два тесла подтреугольной в плане формы, обработанных двусторонней и односторонней оббивкой соответственно; обломок бифасиально оформленного лезвия рубящего орудия, предположительно, топора. В коллекции также есть наконечник стрелы из пластины с ретушью по краям и на черешке.

На стоянке Ховрино категория рубящих орудий состоит из двух пришлифованных тесел трапецевидной формы; двух тесел без шлифовки, одно из которых имеет трапецевидное сечение, а второе, с забитым лезвием, изготовлено из кварцита; рубящие орудия с линзовидным сечением и прямым лезвием. Помимо этого, в скоплении №3 было обнаружено 3 черешковых наконечника, один из которых миниатюрный с минимальной подправкой черешка и жала.

В мезолитическом комплексе стоянки Кочкари I серия рубящих орудий (17 ед.). Формы изделий весьма вариативны. Долота встречаются продолговатой и подтреугольной в плане формы; тесла – трапецевидные и подтреугольные. Топоры имеют линзовидное сечение. Основная масса рассматриваемых артефактов изготовлена грубой оббивки. Некоторые изделия имеют незначительную пришлифов-

ку поверхности. В единственном экземпляре, представлена лезвийная часть топора, поверхность которого имеет тщательную шлифовку. Наконечников стрел из пластин два: один с асимметричным острием, ретушью по краям и с вентральной подработкой насада; у другого острие и насад минимально подработаны ретушью со стороны спинки.

Рубящие орудия и наконечники стрел могут быть характерными элементами обитания в лесных зонах. Наличие лесных ландшафтов подтверждается данными палинологического анализа, проведенного для стоянки Кочкари (споро-пыльцевой комплекс №II).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОДУКТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ КРЕМНЯ ПАМЯТНИКА КОКОРИЦА 4 В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2019 ГОДА)

А.В. Вайтович

Белорусский государственный университет

Археологический памятник Кокорица 4 находится в Дрогичинском районе Брестской области Республики Беларусь. Он расположен на песчаной возвышенности среди болот и лугов в правобережье реки Ясельда. Памятник был открыт в 2018 г. О.В. Иовом и А.А. Метельским. В 2019–2022 гг. памятник изучался Н.Н. Кривальцевичем. Было вскрыто около 60 квадратных метров. Мощность культурного слоя достигала 1,1 м. В раскопах объекты отсутствовали. Общее количество полученных находок превышает 92000 единиц. Коллекция состоит из фрагментов керамики, каменных артефактов, остеологических материалов, костяных и роговых изделий, орехов, желудей и проч. Выявленные материалы свидетельствуют о заселении территории памятника в эпоху финального палеолита, мезолита, неолита и раннего бронзового века.

Кремневый инвентарь включает почти 50000 находок, относящихся ко всем морфологическим группам. Цель заявленного доклада – технологический анализ продуктов расщепления кремня. Для детального изучения были выбраны материалы исследования 2019 г.: 47 нуклеусов и их фрагментов, 52 технологически определимых скола, 2846 продуктов дебитаж.

В результате проведенного анализа было установлено наличие на памятнике ряда различных неравнозначных технологических контекстов. Полученные выводы позволят конкретизировать представления о технике расщепления кремня, практиковавшейся обитателями стоянки, а также уточнить данные о культурно-хронологических горизонтах освоения территории поселения.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Т.А. Васильева

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Работа посвящена комплексному изучению керамики позднего неолита – переходного этапа к раннему энеолиту на территории Карелии в начале IV тыс. до н.э.

К этому времени исследователи относят глиняную посуду финальной фазы развития ямочно-гребенчатой керамики, гребенчато-ямочную (геометрического стиля) и ромбо-ямочную керамику. Несмотря на различные определения, эта посуда обладает общими признаками, которые связаны с комплексом ромбо-ямочной керамики. Основные положения исследования позволяют аргументировать мнение, согласно которому на рубеже позднего неолита – раннего энеолита на территории Карелии бытует население, продолжающее традиции в гончарстве с ямочно-гребенчатой системой орнаментации среднего неолита.

При систематизации керамики рубежа неолита – энеолита на территории Карелии отмечаются устойчивые признаки. Керамика с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной орнаментацией имеют общие морфо-типологические признаки не только по формам сосудов и венчиков, но и орнаментации глиняной посуды. Для исследуемой керамики характерна стандартная техника орнаментации, как на территории Карелии, так и на сопредельных территориях, в том числе в Вологодском крае, который является восточной границей ареала. Выделенные локальные варианты позволяют обозначить зарождение и развитие этого орнамента на местной основе среди носителей керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации. В результате исследования, ранее предложенное выделение групп сосудов по орнаментации, нашло подтверждение.

Опыт изучения орнаментации глиняной посуды позволяет выявить общие тенденции, которые улавливаются уже при первичной работе с керамическим материалом. В данном случае визуально определяющаяся схожесть позволила обозначить характерные признаки, их своеобразие и очередность, произвести систематизацию и подойти к доказательной базе о принадлежности данной техники нанесения орнамента и сохранении его структуры в период бытования керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации.

Показателями культурной преемственности являются элементы орнамента, типы сосудов, технология изготовления; о хронологической преемственности свидетельствует их временная близость и отсутствие разрывов между этапами, что отражает постепенный характер развития керамического производства в первой половине IV тыс. до н.э.

Детальная проработка признаков и соотнесение с имеющимися принятыми радиоуглеродными датами, позволит в будущем разработать критерии для составления подробной схемы развития орнаментации изучаемых древностей.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КУДЛАЕВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Н. Вашанов

Институт истории Национальной академии наук Беларуси

Кудлаевская культура получила распространение на территории Беларуси, Украины, Литвы и восточной части Польши в эпоху мезолита. Основные вопросы, связанные с хронологией, периодизацией и ареалом распространения данного культурного явления нашли отражение в работах С.К. Козловского, Л.Л. Зализняка, Т. Остраускаса, К. Шымчака (Kozłowski, 1972; Залізняк, 2009; Ostrauskas, 2002, Szymczak, 1995). Основанием для выделения культуры стал своеобразный состав элементов охотничьего вооружения, включавший в себя постсвидерские наконечники стрел, вкладыши типа Борки, острия типа Ставиного, ланцетовидные острия, трапеции средневысоких и высоких форм, а также представительную группу микропластин с притупленным ретушью краем. При этом появление двух первых категорий на памятниках кудлаевской культуры С.К. Козловский связывал с влиянием, оказываемым кундской культурой (Kozłowski, 1972).

Повторное обращение к кремневым материалам коллекций с территории Беларуси (Кажан-Городок, Добрыньёво, Юровичи, Белая Сорока и др.), которые послужили основой для выделения данного явления в отдельную таксономическую единицу, а также новые материалы, накопленные, на протяжении последних десятилетий позволили по-новому взглянуть на развитие данной культуры эпохи мезолита. Новые данные, связанные с технологией кремнеобработки, типологическим составом кремневого и костяного инвентаря, а также её хронологией позволили пересмотреть связь данной таксономической единицы с другими культурами западной и центральной Европы, а также критерии её выделения. На основании новых данных можно сделать вывод, что для кремневого набора кудлаевской культуры не характерно присутствие постсвидерских наконечников стрел и вкладышей типа Борки. В тоже время в комплексах выделяется постоянное присутствие острий типа Коморница и различных типов треугольников. Данный факт делает кудлаевскую культуру тождественной таким культурам, как коморницкая и маглеможская распространённым на территории Европы.

Список литературы

- Залізняк Л.Л. Мезоліт заходу Східної Європи. Київ: Шлях, 2009. 278 С.
- Ostrauskas T. Mezolitinė Kudlajevkos kultūra Lietuvoje // Lietuvos archeologija. 2002. T. 23. P. 137–162.
- Kozłowski S.K. Zespoły typu kudłajewka // Światowit. 1972. T. XXXIII. S. 107–120.
- Szymczak K. Epokakamienia Polski północno-wschodniej na tle Środkowoeuropejskim. Warszawa: Wydawnictwa Fundacji „Historia pro futuro”, 1995. 191 S.

О ЮЖНЫХ ИМПУЛЬСАХ В НЕОЛИТИЗАЦИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

А.А. Выборнов¹, И.Н. Васильева¹, Ф.Ф. Гилязов¹, М.А. Кулькова²

1 - Самарский государственный социально-педагогический университет

2 - Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Начиная с 70-х годов XX в. исследователи предполагали определенную роль южных культур в неолитизации лесной полосы от Зауралья до Верхнего Поволжья. Во многом это связано с состоянием источниковой базы, которой располагали специалисты на тот момент. С ее качественным изменением за прошедшие годы менялись и гипотезы ученых. Так, версия о формировании верхневолжской культуры на основе среднедонских древностей значительно трансформировалась в связи с выделением карамышевской и волго-окской культур. Что касается лесного Среднего Поволжья, то и здесь концепция со среднедонской поменялась на нижневолжскую. Учитывая хронологические границы дубовской и орловской культур, южный импульс допустим, но кроме этого есть ряд противоречащих моментов. Технология изготовления керамики этих культур имеет существенные различия: в первой илстая глина, а во второй илы и илстая глина с раковинной. К моменту складывания первых комплексов (5700 BC), для нижневолжских сосудов уже характерен внутренний наплыв, который отсутствует у «лесной посуды». Разнятся и композиции. Не встречены в марийских материалах и микролиты, присущие южным материалам. Значительно больше показателей сходства керамического комплекса и каменного инвентаря с материалами второго этапа елшанской культуры лесостепного Поволжья, хронологические рамки которого хорошо согласуются с северными соседями (5800–5600 BC).

Не менее важен вопрос о роли прикаспийского и нижневолжского населения в генезисе неолита Зауралья. Хронологические рамки этих комплексов, включая бобыркинские, близки: 6100–5800 BC. Однако, для каменной индустрии Северного Прикаспия характерны сегменты, а для орловской культуры и трапеции со струганной спинкой. Оба типа микролитов отсутствуют в культурах раннего неолита Зауралья. Разнятся и рецептуры изготовления сосудов сравниваемых культур: в лесу нет посуды из ила или из илистой глины с раковинной. Наплавы на внутренней стороне сосудов, судя по датировкам зауральских древностей, появляются несколько раньше (6000 BC), чем в орловской культуре (5800 BC). Этот признак отсутствует и на керамике транзитной с юга на север средневолжской культуре.

Разнятся полупустынные и степные жилища по сравнению с зауральскими как по размерам, так и конструктивным особенностям.

Все это сокращает возможность предполагать миграционные факторы в процессе неолитизации лесных регионов из южных областей. Более вероятны как диффузионные, так и конвергентные причины.

Исследование выполнено при поддержке РНФ проект № 22-20-00082 «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход»

О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ И ОЗЁРНЫХ ОСЦИЛЛЯЦИЯХ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО МЕЗОЛИТА ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

**Д.В. Герасимов¹, Р.И. Муравьёв¹, М.А. Холкина^{1,2},
К. Маннермаа³, Д.Д. Кузнецов^{4,5}, А.В. Лудиков^{4,5}**

1 - Музей археологии и этнографии РАН

2 - Санкт-Петербургский Государственный Университет

3 - Университет Хельсинки

4 - Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН

5 - Институт озероведения РАН

Благодаря исследованиям С.В. Ошибкиной в Архангельской области были открыты материалы яркой мезолитической культуры веретье. Археологические работы последних лет на территории Национального парка «Кенозерский» позволили выявить новые памятники раннего мезолита с пластинчатой индустрией и черешковыми наконечниками (рис. 1а).

Материалы эпохи мезолита по берегам озёр Кенозеро и Лёкшмозеро были известны и ранее, в том числе благодаря работам С.В. Ошибкиной. Тем не менее, вплоть до последнего времени, мезолитические артефакты залегали лишь в смешанных комплексах, часто в окатанном состоянии на разрушенных памятниках в волноприбойной полосе.

В 2018 г. А.Я. Мартыновым на поселении Косицына 2 в основании культурного слоя было зафиксировано несколько структур, которые могут рассматриваться как замкнутые комплексы раннего мезолита. По углю получены радиоуглеродные даты 8272–7821 лет до н.э. и 7731–7488 лет до н.э.

На памятнике Усть-Чёлма в 2021 и 2022 гг. совместной экспедицией МАЭ РАН и СПбГУ культурный слой с мезолитическими материалами зафиксирован на сформированной позднеледниковым водоёмом террасе высотой 6 м над современным урезом воды оз. Лёкшмозеро. У подошвы террасы «шлейф» культурного слоя залегает в основании пачки озёрно-болотных отложений. Стратиграфия минеральной и торфяниковой частей стоянки позволяет рассматривать памятник как геоархеологический объект, содержащий свидетельства нескольких этапов истории гидрографической системы региона.

Мезолитический контекст памятника представлен округлыми скребками 2–3 см в диаметре на отщепах с высокой краевой ретушью (рис. 1б: 1–4), концевыми скребками на пластинах (рис. 1б: 5, 6) и наконечником на пластине, обработанным ретушью по спинке (рис. 1б: 8), серией пластин и микропластин, их обломков (рис. 1б: 7, 9–14).

Пять морфологически выразительных фрагментов кальцинированных костей из мезолитической структуры определены как кости бобра (*Castor fiber*). Примечательным является отсутствие рыбных костей в культурном слое.

Рис. 1. Карта расположения датированных мезолитических комплексов на территории Национального парка «Кенозерский» (а); кремнёвый инвентарь стоянки Усть-Чёлма (б): 1–4 – скребки на отщепах; 5, 6 – концевые скребки на пластинах; 8 – наконечник на пластине; 7, 9 – фрагменты пластин с ретушью; 10–14 – пластины.

Судя по облику каменной индустрии, расположению памятника и фаунистическим остаткам, мезолитический комплекс стоянки Усть-Чёлма относится к периоду раннего мезолита. Это подтверждает и полученная по кости бобра радиоуглеродная дата, помещающая комплекс в середину VIII тыс. до н.э.

ПЕРЕХОД ОТ НЕОЛИТА К ЭПОХЕ БРОНЗЫ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

А.Ю. Городилов, М.А. Раззак

Институт истории материальной культуры РАН

Юго-восточное побережье Финского залива расположено на стыке нескольких географических ареалов: лесной зоны северо-запада России, Карелии, Фенно-скандии, юго-восточной Прибалтики, для каждой из которых характерны свои культурно-хронологические особенности развития древнейших обществ. Тем не менее до недавнего времени юго-восточное побережье Финского залива к востоку от Нарвско-Лужского междуречья являлось белым пятном на карте памятников эпохи первобытности северо-запада России. За последние несколько лет в ходе работ Ленинградской областной археологической экспедиции ИИМК РАН здесь были открыты около трех десятков новых стоянок, на некоторых из них проведены раскопки большой площадью. В результате получены данные о материальной культуре древнего населения и эволюции культур IV–I тыс. до н.э. в регионе (от неолита до раннего железного века).

В IV тыс. до н.э. регион был заселен носителями поздненелитических культур типичной гребенчатой, поздней гребенчатой и ромбоямочной керамики. В III тыс. до н.э. в данный регион приходят носители культуры шнуровой керамики. Для последних двух культур на территории основного ареала их существования присутствуют признаки обработки металла. Однако на территории юго-восточного берега Финского залива такие признаки пока не обнаружены.

Начало эпохи бронзы в регионе происходит не позднее рубежа III–II тыс. до н.э. и связано с появлением новой керамической традиции – сетчатой керамики с примесью органики. Памятники этой культуры до недавнего времени на юго-восточном берегу Финского залива известны не были, однако в ходе работ последних лет удалось обнаружить несколько поселений. Данная керамическая традиция, безусловно, является для региона пришлой, но, вместе с тем, новая керамика содержит и ряд признаков, характерных для местных культур: с сосудами гребенчатой керамики с комбинированной примесью ее объединяет как состав формовочной массы, так и наличие оттиска гребенчатого штампа в орнаментации; со шнуровой керамикой схожими являются добавки в состав формовочной массы,

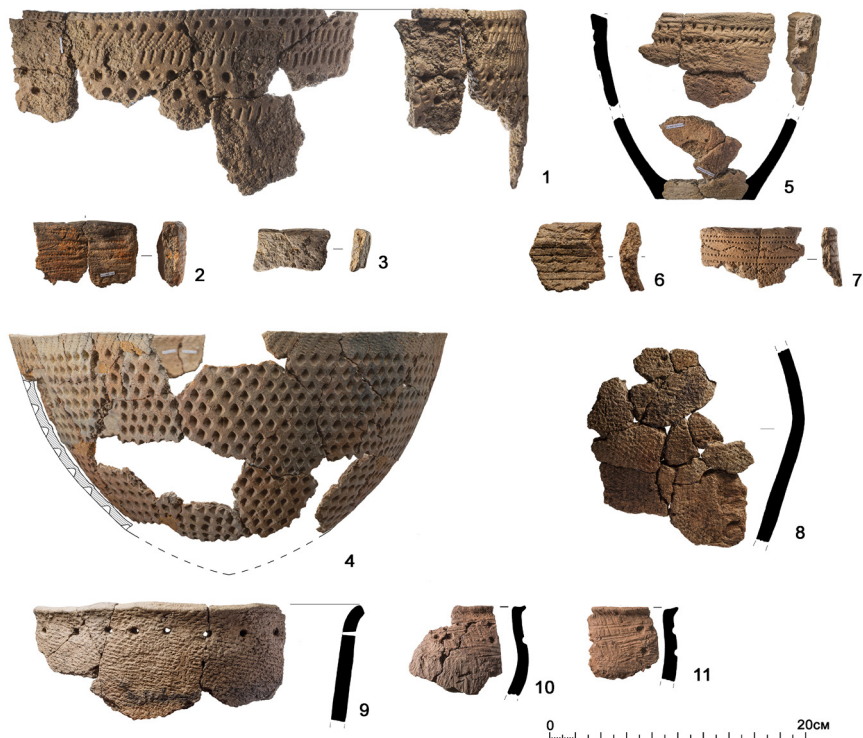

Рис. 1. Фрагменты сосудов основных керамических традиций юго-восточного берега Финского залива IV – I тыс. до н. э.

1 – типичная гребенчатая керамика; 2, 3 – поздняя гребенчатая керамика; 4 – ромбоямочная керамика; 5 – шнуровая керамика; 6–8 – сетчатая керамика с органической примесью; 9 – сетчатая керамика с минеральной примесью; 10, 11 – штрихованная керамика.

форма сосуда и принцип орнаментации, а также использование при орнаментации субгоризонтальных рядов аморфных ямок. Вместе с тем, для ранней сетчатой керамики присущи и признаки, не характерные для более ранних культур юго-восточного берега Финского залива, в первую очередь сетчатая поверхность, выраженный рант, а также использование горизонтального зигзага оттиска гребенчатого штампа. Перечисленные признаки более характерны для фатьяноидной керамики, основной ареал которой расположен гораздо восточнее.

К рубежу II–I тыс. до н.э. относятся комплексы с сетчатой керамикой с примесью дресвы, они сопровождаются находками, связанными с бронзолитейным делом и находками из бронзы. В раннем железном веке в регионе отмечена традиция использования керамики со штрихованной поверхностью.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственных работ № FMZF-2022-0016 и № FMZF-2022-0015

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОРФЯНИКОВЫХ СТОЯНОК ПОДОЛЬЕ 1, 3 В ЮЖНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

Т.М. Гусенцова

АНО НИИ культурного и природного наследия

В Южном Приладожье известно чуть более десятка памятников каменного века и раннего металла. Это обусловлено трансгрессией Ладожского озера, когда южное побережье и прилегающие территории были погребены под мощными песчаными и глинистыми отложениями. К числу наиболее известных памятников региона открытых в конце 19 и в 20 вв. относятся Приладожские стоянки, Усть-Рыбежна I, II, Березье в устье р. Волхов. В 2010-е гг. в Староладожском заповеднике под отложениями трансгрессии найдена и раскопана неолитическая стоянка.

В 2011 г. автором начаты исследования новых памятников в бассейне р. Лава, юго-западное Приладожье. На двух стоянках – Подолье 1 и 3 культурные слои залегают в торфе. На памятниках проведены комплексные археологические исследования. По результатам геолого-геофизических исследований сложный микрорельеф памятников в районе д. Подолья позволяет предполагать здесь как кратковременное существование озерной лагуны, так и, на определенных этапах, непроточных водоемов, изолировавшихся от озера узких озерных или речных стариц. Выявлены границы древнего водоема, реконструирована динамика изменений окружающего ландшафта, связанная с трансгрессией и регрессией Ладожского озера.

На стоянке Подолье-1 геохимическими исследованиями определены функциональные зоны, связанные с хозяйственной и промысловой деятельностью. На обеих стоянках сохранились остатки рыболовных конструкций – кольев от заколов и лучин от вершей. Найдены фрагменты сети, грузила, оплетенные берестой. По многочисленным костным остаткам определен видовой составы рыб (судак, щука, окунь, лещ); зверей (кольчатая нерпа, куница, кабан, лось, бобр); птиц.

Представлены различные группы глиняной посуды позднего неолита: с минеральными добавками (дресва), украшенные гребенчато-ямочным орнаментом и с органическими добавками (перо, раковина), орнаментированные ямками или гребенчатым штампом. Присутствует керамика с органической примесью и примесью асбеста эпохи раннего металла. Каменный инвентарь изготовлен преимущественно из приносного сырья. Значительное количество импортных сланцевых рубящих орудий русско-карельского типа и прибалтийских янтарных украшений.

Материалы памятников указывают как на сложившиеся местные культурные традиции, так и на контакты с населением соседних регионов Восточной Балтики и Прионежья. Комплексы находок и полученная серия радиоуглеродных дат свидетельствуют о неоднократном заселении памятников в IV – сер. III тыс. до н.э.

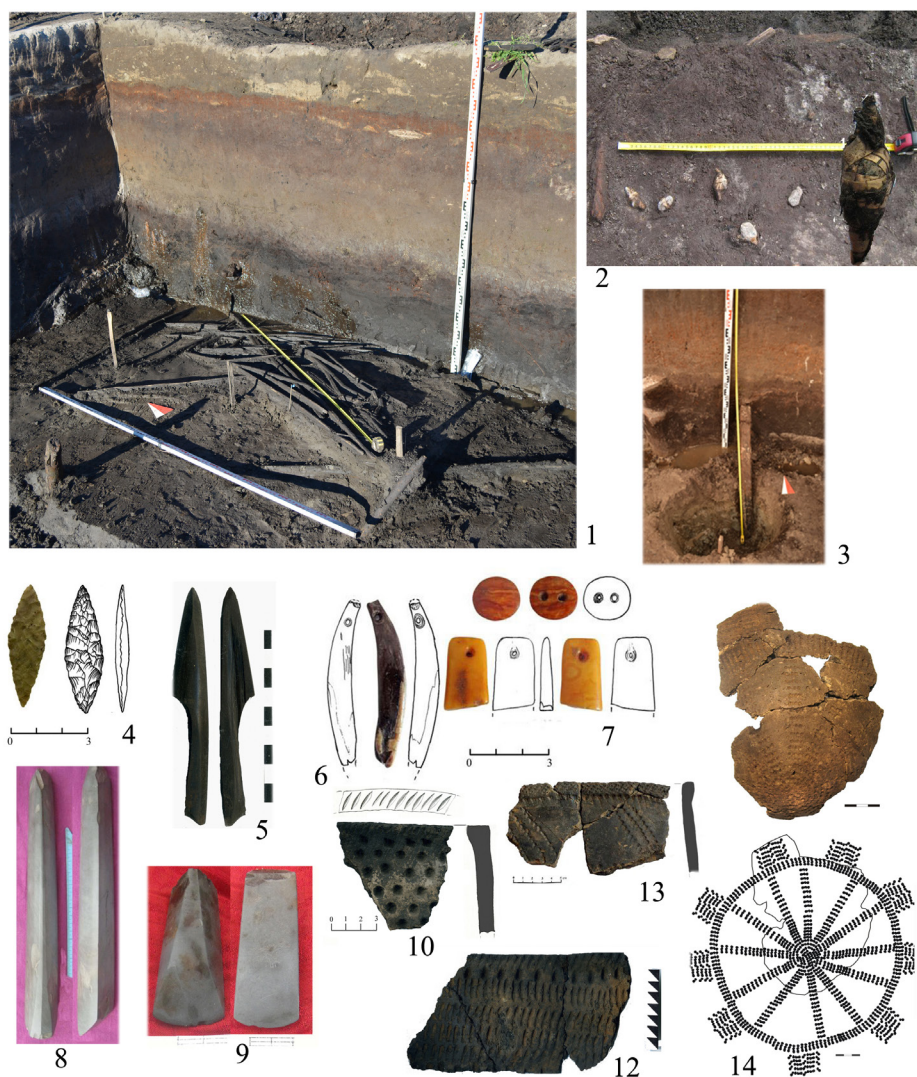

Рис. 1. Находки из неолитических слоев стоянок Подолье 1 и 3.

1 – фрагмент верши из лучин; 2 – скопление грузил, оплетенных берестой; 3 – свая с обожженным концом; 4 – наконечник стрелы из кремня; 5 – изделие из кости; 6 – украшение из резца животного; 7 – украшения из янтаря; 8, 9 – сланцевые рубящие орудия; 10, 12 – фрагменты посуды эпохи позднего неолита с минеральными добавками; 11, 13 – фрагменты сосудов эпохи раннего металла с органической примесью и асбестом.

СТОЯНКИ ХОМУТОВСКОЕ БОЛОТО I, II: ПАМЯТНИКИ КЛАССИЧЕСКОГО КАМСКОГО НЕОЛИТА В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ВИШЕРЫ, ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Д.А. Демаков¹, Е.Л. Лычагина^{1,2}, Н.С. Батуева¹

1 - Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

2 - Пермский государственный национальный исследовательский университет

Стоянки Хомутовское болото I и II открыты и изучены небольшими разведочными раскопами А.Ф. Мельничуком в 2013 г. Эти работы доказали принадлежность стоянок к камской неолитической культуре и показали перспективность их дальнейшего изучения, как «чистых» памятников данной культуры. Памятники обследованы В.Н. Кармановым в 2017 г. с целью определения границ и подтверждения культурной принадлежности. В 2023 г. на каждой из стоянок заложены раскопы площадью 16 кв. м.

На стоянке Хомутовское болото I раскоп находился около северо-восточной границы памятника, в самой высокой части песчаной гривы, на которой он расположен. В результате изучена периферийная часть памятника с незначительным культурным слоем и малой насыщенностью находками, получена небольшая коллекция артефактов, состоящая из 33 предметов: 31 изделие из камня и 2 фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом.

В результате раскопок на стоянке Хомутовское болото II получена представительная коллекция каменного инвентаря (2285 экз.), фрагменты от 8 лепных сосудов и кальцинированные кости животных (87 экз.).

Каменный инвентарь представлен отщепами (в том числе пластинчатыми), пластинами, сколами и чешуйками. Орудийный набор состоит из скребков, ножей, наконечников, комбинированных орудий, шлифовальных плит. К интересным находкам можно отнести фрагмент костяного орудия и молот с перехватом.

Посуда была изготовлена в основном из незапесоченных илистых глин (87,5%), использовалось дробленое (57%) и естественно увлажнённое (43%) сырье. В качестве искусственной примеси применялись: шамот (37,5%), шамот + органический раствор (37,5%), шамот + песок (12,5%) и дробленая глина + органический раствор (12,5%). Орнамент представлен отпечатками гребенчатого штампа, нанесенного прокатыванием, шаганием или оттискиванием, редко в сочетании с ямками.

Определение кальцинированных костей показало, что население стоянки занималось охотой на крупных, средних и мелких млекопитающих (лось, бобр), а также рыболовством.

Полученные материалы подтверждают принадлежность Хомутовских стоянок к классическому камскому неолиту, а также доказывают перспективность дальнейшего изучения памятника Хомутовское болото II.

Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ) В ЭПОХУ КАМНЯ

О.А. Дружинина

*Институт востоковедения РАН,
Российский государственный педагогический университет им. Герцена*

Полученные за последние несколько лет палинологические данные по озёрным и болотным отложениям (оз. Камышовое, оз. Чистое, бол. Козье) наряду с имеющейся археологической информацией о культуре цедмар и восточной группе приморской культуры шнуровой керамики позволяют рассмотреть несколько этапов древней хозяйственной деятельности на юго-востоке Прибалтики.

Первые признаки «управления» лесными ресурсами и их использования – создание вырубок, выжигание леса и, возможно, культивирование лещины – появляются в эпоху мезолита, примерно 10300–6500 кал. л. н. Пыльца растений-индикаторов открытых местообитаний и пастбищ, а также *Pteridium* и *Corylus* (до 18 и 40% в палинологических спектрах) может свидетельствовать о целенаправленном выжигании лесов для повышения эффективности охоты и мобильности, а также для распространения определенных видов растений.

Сопоставление палинологических и геохимических данных (включая содержание микроуглей) выявило интенсификацию человеческой деятельности, начиная с неолита. Примерно с 6500–6000 кал. л.н., появляются свидетельства первой сельскохозяйственной деятельности и локального животноводства – орудия для обработки земли, палинологические свидетельства возделывания растений и эрозии почвы, кости одомашненных животных. Увеличение числа растений-индикаторов антропогенной деятельности (сорные, пастбищные, луговые) свидетельствует о расширении площади открытых пространств. Пики *Pteridium*, совпадающие с пиками на кривой микроуглей, *Onagraceae* (кипрейные) появляются на протяжении всего периода, указывая на продолжающееся выжигание и эксплуатацию лесов. В пыльцевых спектрах также отмечен *Plantago lanceolata* – один из наиболее надежных индикаторов антропогенной деятельности и, в частности, выпаса скота. К этому же периоду относятся находки костей одомашненных животных (крупного рогатого скота, коз и овец) и роговых орудий для обработки почвы на памятниках археологической культуры цедмар. Присутствие пыльцы *Cerealia* в культурных слоях указывает на самые ранние попытки возделывания злаков.

Начиная с 5200 кал. л.н. земледелие, вероятно, занимает постоянное место в стратегии жизнеобеспечения древнего населения юго-восточной Прибалтики. На это указывают многочисленные признаки возделывания зерновых культур: от палинологических данных до археологических свидетельств, представленных находками каменных мотыг, зернотерок, пестиков. Этот период характеризуется продолжающейся антропогенной нагрузкой на ландшафты. Увеличивается ко-

личество и разнообразие индикаторов антропогенной деятельности (*Plantago*, *Artemisia*, *Chenopodium*, *Cirsium*, *Taraxacum* и др.), растет число микроуглей. Распространение земледелия на этом этапе, скорее всего, связано с носителями культуры шнуровой керамики, о чем свидетельствуют результаты палеогенетических исследований в Прибалтике и имеющийся для региона археологический материал.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-17-00113, <https://rscf.ru/project/22-17-00113>.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ НА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Е.Н. Дубовцева

Институт истории и археологии УрО РАН

Неолит таежной зоны Западной Сибири отличается пестротой типов керамики, которые можно объединить в четыре традиции керамического производства (рис. 1). Одним из маркеров, позволяющих отличать одну традицию от другой, является орнаментация.

Для выделения орнаментальных традиций используется технико-технологический подход, т.е. изучаются орудия для декорирования и способы работы ими. Для традиции 1 характерны наколы, отступление и прочерчивание, выполненные различными стержнями, редко применяется грубый деревянный гребенчатый штамп в технике прочерчивания и штампования. Под венчиками на части сосудов присутствуют налепные и вытяжные валики (рис. 1: 3). Для традиции 2 характерно использование изящного костяного гребенчатого штампа в технике штампования и шагания (рис. 1: 4–6). Традиция 3 поражает разнообразием орудий декорирования – стержни, гребенчатые, гладкие, шнуговые штампы, челюсти и кости рыб, и способов нанесения орнамента, среди которых преобладает прочерчивание. Характерно для этой традиции использование зоо-орнитоморфных налепов на венчиках, а также шипов на днищах (рис. 1: 8–11). Традиция 4 является смешанной и органично сочетает все способы орнамента и разнообразные инструменты, ее особенностью является использование для орнамента челюстей и костей бобра и мелких хищников (рис. 1: 12–17).

Анализ морфологии и структуры орнамента менее показателен. Это связано с тем, что количество используемых элементов орнамента крайне невелико. При этом нет четкой связи между элементом орнамента и орудием декорирования. Один и тот же элемент мог наноситься различными инструментами, что в некоторых случаях довольно сильно меняло его визуальное восприятие. Орнамен-

Рис. 1. Неолитическая керамика таежной зоны Западной Сибири:

1–3 – традиция 1; 4–6 – традиция 2; 7–11 – традиция 3; 12–17 – традиция 4. 1, 2 – городище Амня I; 3 – поселение Мулымья 3; 4–5 – поселение Барсова Гора I/8а; 6 – поселение Ет-то I; 7 – поселение Быстрый Кульёган 66; 8, 11 – поселение Большая Умытъя 100; 9 – поселение Большая Умытъя 57; 10 – поселение Чэс-тый-яг; 12 – поселение Барсова Гора II/17; 13, 16, 17 – поселение Барсова Гора I/5; 14, 15 – поселение Барсова Гора II/16 (по: Косинская и др., 2006; Чемякин, 2008; Стефанов, Борзунов., 2008; Клеменьева и др., 2012; Клементьева, Погодин, 2020; Васильев, 2004).

тальные сюжеты и композиции просты и устойчивы. Богатство орнамента достигается путем чередования мотивов, часто выполненных различными способами. Среди мотивов можно выделить устойчивые, которые используются при орнаментации керамики всех четырех традиций. К этой группе мотивов относятся: вертикальные, горизонтальные, наклонные прямые, волны, зигзаги и их отрезки. К неустойчивым относятся мотивы, которые используются гораздо реже, являются уникальными – вписанные друг в друга треугольники, древовидные, чешуйчатые, паркетные узоры, стрелки, многоугольные фигуры, треугольники с удлиненной стороной, сетки с точками и т. п. К ним можно отнести реалистичные скульптурные налесты, узоры, нанесенные челюстями и костями животных. Возможно, именно эти мотивы обладали большей семантической значимостью. С их помощью можно выявлять родственные коллективы и изучать преемственность и трансформацию орнаментальных традиций.

Список литературы

Васильев Е.А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого Вып. 2. Томск – Ханты-Мансийск, 2004. С. 296–301.

Клементьева Т.Ю., Круземент С.А., Погодин А.А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 497–524.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 216–228.

Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / коллективная монография под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург – Сургут: Уральское изд-во. 2006. 192 с.

Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут. 2008. С. 93–111.

Чемакин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати. 2008. 224 с.

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ИНДУСТРИИ РАННЕГО НЕОЛИТА СЕРТЕЙСКОГО МИКРОРЕГИОНА

Д.К. Еськова², А.Н. Мазуркевич¹, Е.В. Долбунова¹

1 - Государственный Эрмитаж

2 - Институт археологии РАН

Имеющаяся на настоящий момент источниковая база позволяет охарактеризовать типологические и технологические особенности каменного инвентаря культур раннего неолита Сертейского микрорегиона с различной степенью детализации.

Наиболее подробно в настоящее время может быть охарактеризован каменный инвентарь фазы *b* сертейской ранненеолитической культуры. Индустрия пластинчатая, цельные заготовки – относительно крупные, средней регулярности пластины. Используемый метод расщепления – преимущественно встречное скалывание с двуплощадочных нуклеусов, техника расщепления – прямой удар мягким минеральным отбойником. Для изготовления орудий использовались как пластины, так и отщепы. Среди морфологически выраженных орудий преобладают наконечники с черешком, оформленным крутой дорсальной и плоской вентральной ретушью, ретушные резцы и резцы на углу слома, скребки различных типов. Данные о типологической специфике каменного инвентаря фазы *a* сертейской культуры относительно фазы *b* на настоящий момент отсутствуют. Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что индустрия была пластинчатой, скалывание осуществлялось при помощи прямого удара.

Радикальная смена технико-типологического облика каменного инвентаря связана с появлением в сертейском микрорегионе носителей руднянской культуры раннего неолита. Пластинчатая индустрия сертейской культуры уступает место индустрии с двусторонне обработанными и шлифованными орудиями, в которой полностью отсутствует пластинчатый компонент. Ни технологической, ни типологической преемственности между индустриями не прослеживается.

На двух памятниках микрорегиона, Сертея 3–3 и Сертея XX, был выявлен выразительный отжимной технологический контекст, связанный с получением крупных, до 20 мм шириной, пластин очень правильной огранки и прямого профиля. Кроме того, на памятнике Сертея 3–3 был зафиксирован один целый постсвидерский черешковый наконечник и один обломок. Анализ пространственного контекста в совокупности с имеющимися данными о технологии расщепления камня как в сертейской, так и в руднянской культурах, позволяет сделать предположение о наличии в рассматриваемом регионе постсвидерского мезолитического компонента, который, очевидно, в данном случае, не служил подосновой для индустрий раннего неолита.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект

№ 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7–3 тыс. до н. э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ СТОЯНКИ ПОПОВО 1 (ВОСТОЧНОЕ ПРИОНЕЖЬЕ, КУЛЬТУРА ВЕРЕТЬЕ)

Д.К. Еськова

Институт археологии РАН

Стоянка Попово 1 расположена на правом берегу р. Кинема, в 3,5 км от ее устья, приблизительно в 150 м выше по течению относительно могильника Попово. Памятник исследован в 1984 г. С.В. Ошибкиной раскопом 40 кв. м. Раскопками выявлено два культурных слоя: верхний, датируемый эпохой неолита, и нижний – мезолитический. Несмотря на территориальную близость стоянки Попово 1 и могильника Попово они никогда не рассматривались как части единого комплекса. При отсутствии естественнонаучных определений возраста стоянки, расположение на местности (иное высотное положение, чем у могильника Попово 1), позволило отнести материалы стоянки Попово 1 ко второй половине или концу бореала (Ошибкина, 2006). С.В. Ошибкина находила аналогии материалам стоянки в парчевской мезолитической культуре, в частности отмечалось сходство форм черешковых наконечников стрел из кремня, орудий и предметов вооружения из кости (Ошибкина, 2006).

В 2018 г. автором проведена шурфовка с целью уточнения границ стоянки Попово 1 и отбора образцов для радиоуглеродного датирования. В шурфе № 7 3х1 м, заложенном в прибрежной зоне р. Кинема, на расстоянии 90 м к ЗЮЗ от раскопа 1984 г., зафиксирована следующая стратиграфия: дерн; слой черной рыхлой супеси мощностью 28–36 см, содержащий находки мезолита, неолита и бронзового века; ниже залегал слой «мусорной кучи» мощностью 0,5–25 см, сложенный мелкими и крупными фрагментами рыбьих костей; культурные слои подстилали косослоистые моренные отложения крупного и мелкого гравия и песка. Слой «мусорной кучи» частично нарушен одной крупной и несколькими мелкими ямами, спущенными из вышележащего слоя.

Мощный слой рыбьих костей включал также кости крупных млекопитающих (лося?) и 96 предметов из расщепленного кремня и окремненного известняка. Коллекция каменных артефактов из слоя мусорной кучи не является представительной: содержит всего 3 предмета со вторичной обработкой и 10 пластинчатых сколов. Фрагменты керамики выявлены только на контакте слоя мусорной кучи с вышележащим слоем темной гумусированной супеси. В непосредственной близости от места заложения шурфа на поверхности найден фрагмент пазового на-

конечника. Наличие микропластинок в слое «мусорной кучи», а также пластинки с косо усеченным концом, характерной для типологического состава каменного инвентаря культуры веретье, в вышележащем слое (выброс из ям?), позволило предположить, что мощная «мусорная куча» относится к времени бытования мезолитической стоянки Попово 1.

Были получены три AMS-даты по коллагену фрагментов костей крупных млекопитающих (лося?), позволившие определить время формирования «мусорной кучи» в достаточно узком диапазоне: рубеж пребореала–бореала и начало бореала (10,2–10,6 кал. тыс. л.н.). Даты соотносятся с наиболее ранними из имеющихся для стоянки Веретье 1. Таким образом, отнесение стоянки Попово 1 к позднему этапу существования культуры нуждается в пересмотре. Существующие типологические аналогии со стоянками парчевской культуры не вступают в противоречие с имеющимися для последних определениями возраста рубежом пребореала–бореала (Волокитин, 2012). Кроме того, полученные для «мусорной кучи» стоянки Попово 1 даты, лишь немногим моложе серии дат, существующих для могильника Попово. Все имеющиеся на настоящий момент даты для могильника были получены по костям человека. Учитывая, что роль рыбы в диете была, вероятно, высока, что отражено в погребальном обряде (Ошибкина 1983, 2006), нельзя исключать возможности удревнения определений по человеческим костям, вызванного резервуарным эффектом. В связи с этим необходимо получить даты по образцам угля и костей млекопитающих из коллекции могильника Попово. Эти данные позволят также подтвердить или опровергнуть гипотезу С.В. Ошибкиной о расположении могильников культуры веретье на существенном удалении от поселений («за водой») (Ошибкина, 1983; 2006).

Список литературы

Волокитин А.В. Краткий обзор истории первоначального освоения севера и северо-востока Русской равнины // Первобытные древности Евразии: к 60-летию юбилею А.Н. Сорокина, М.: ИА РАН, 2012. С. 365–376.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М: Наука, 1983. 295 с.

Ошибкина С.В. Мезолит восточного Прионежья: культура веретье. М.: ИА РАН, 2006. 322 с.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ В МЕЗОЛИТЕ ГОРНОГО КРЫМА

М.Г. Жилин

Институт археологии РАН

Большая часть территории Горного Крыма в настоящий момент покрыта лесом. В зависимости от высотного расположения основными древесными породами являются сосна, дуб, бук и граб. В подлеске преобладают лещина, кизил и разнообразные кустарники. На водораздельных плато распространены степные и лесостепные ландшафты. Сходная ситуация реконструируется в Горном Крыму в аллерёде и в раннем голоцене (Cordova 2015; Cordova et al. 2011). Мезолитические стоянки Горного Крыма расположены преимущественно в местах пересечения различных ландшафтов, что позволяло их населению использовать разнообразные ресурсы.

Трасологический анализ всех микролитов из многослойных стоянок Замиль-Коба 1 и 2, Алимовский навес, Таш-Аир 1, Кукрек, проведённый автором, выявил наконечники стрел разных типов (Жилин и др. 2023; Жилин, Руев 2023). В слоях раннего мезолита шан-кобинской культуры преобладают наконечники с поперечным лезвием, в качестве которых использовались преимущественно низкие сегменты и трапеции. Серией представлены косолезвийные наконечники с зубцом, в качестве которых служили низкие сегменты, закреплённые в косой паз на конце древка стрелы. Единичны колющие наконечники стрел, в качестве которых применялись ланцетовидные острия. На позднем этапе шан-кобинской культуры доминируют наконечники стрел с поперечным лезвием, в качестве которых использовались преимущественно низкие сегменты и трапеции; косолезвийные наконечники единичны. В верхних слоях стоянок Алимовский навес и Кукрек, относящихся к финальному мезолиту, встречены только наконечники стрел с поперечным лезвием. В их роли выступали преимущественно низкие трапеции, а также мелкие низкие сегменты, численно уступающие трапециям.

Для верификации трасологических определений, изучения поведения наконечников разных типов при попадании и формирования следов использования на наконечниках стрел была проведена серия экспериментов по стрельбе из лука по различным мишеням. Эксперименты проводились на базе в Горном Крыму под Симферополем. В качестве наконечников служили реплики микролитов из мезолитических стоянок Горного Крыма. Лук и древки стрел были изготовлены из лещины, кизила, крушины и сосны. Все этапы экспериментов тщательно фиксировались. В общей сложности было сделано более 500 выстрелов, испытано более 50 кремневых наконечников стрел. В результате получены важные данные о поведении наконечников стрел при попадании в различные мишени. Макро- и микроследы на использованных репликах наконечников соответствуют следам

на наконечниках стрел, выделенных нами в изученных коллекциях мезолитических памятников Горного Крыма, и подтверждают правильность трасологических определений.

Список литературы

Жилин М.Г., Симоненко А.А., Руев В.Л. Предметы вооружения из нижнего слоя грота Замиль-Коба 1 в Крыму. *Stratum plus*. 2023. № 1. С. 169–190.

Жилин М.Г., Руев В.Л. Геометрические микролиты стоянки Кукрек (по материалам раскопок Г.А. Бонч-Осмоловского 1926–1927 гг.). *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований* 1. 2023. С. 85–101.

Cordova C. *Crimea and the Black Sea. An Environmental History*. I.B.Tauris&Co. Ltd. London, New York. 2015. 235 pp.

Cordova C.E., Gerasimenko N.P., Lehman P.H., Kliukin A.A. Late Pleistocene and Holocene paleoenvironments of Crimea: Pollen, soils, geomorphology, and geoarchaeology. // Buynevich I.V., Yanko-Hombach V., Gilbert A.S., Martin R.E. (eds.). *Geology and Geoarchaeology of the Black Sea Region: Beyond the Flood Hypothesis*. Boulder: Geological Society of America. 2011. P. 133–164.

ИЗОБРАЖЕНИЯ РЫБ В НАСКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ФЕННОСКАНДИИ

А.М. Жульников

*Петрозаводский государственный университет
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)*

На территории Фенноскандии на данный момент известно 6 писаниц и 17 групп нео-энеолитических петроглифов, где изображено 132 фигуры рыб.

Композиции с изображениями только рыб можно разделить на следующие группы:

- ряд из фигур рыб (8 композиций);
- группа из плывущих в одну сторону фигур рыб (в виде стаи) (5 композиций);
- пара фигур рыб (4 композиции);
- одиночное изображение рыбы.

Существуют четыре вида сцен промысла рыбы, в том числе изображение орудий ее лова:

- охота антропоморфа с гарпуном на рыбу (1 композиция);

- ловля рыбы удочкой с лодки (6 композиций);
- ловля антропоморфом рыбы удочкой без лодки (1 композиция);
- изображение пойманной рыбы на леске, в том числе есть вариант, когда на леске имеется грузило или поплавок (6 композиций)

Имеется минимум две группы наскальных изображений, где фигура рыбы включена в композицию с антропоморфом. Кроме того, встречаются возможные изображения орудий лова рыбы (мережа, решетка, сетка и т. п.), иногда в ассоциации с антропоморфом.

Изучение стилистических особенностей фигур рыб позволило выявить на территории региона четыре области, отличающиеся изобразительными традициями:

1. Юго-западная часть Норвегии - здесь встречаются фигуры рыб в рентгеновском стиле с показанной «линией жизни».

2. Западное побережье Норвегии – фигуры рыб здесь выполнены в контурном стиле.

3. Восточная Фенноскандия и север Швеции – на этой территории для фигур рыб характерен силуэтный стиль.

4. На пограничной территории между Западной и Восточной Фенноскандии, в скоплениях петроглифов Альта и Немфорсен, встречаются фигуры рыб, выбитые в контурном и силуэтном стилях, что указывает на смешение изобразительных традиций.

Кроме того, на Онежских петроглифах имеется вариант изображения, у которого голова рыбы (сома) обозначена контурной выбивкой, а туловище силуэтом.

По отличительным видовым особенностям рыб на петроглифах и писаницах распознаются фигуры палтуса (в 8 группах), лосося или семги (4 группы), щуки (3 группы), осетровой рыбы (1 группа), сома (1 группа), возможно, трески (2 группы) и тунца (2 группы).

Количественное сопоставление фигур рыбы в группах наскальных изображений и остатков рыб на древних поселениях Фенноскандии показало, что большая часть водной добычи не нашла отражения в петроглифах или писаницах. Палтус или камбала, довольно редко встречающаяся в виде костных остатков на стоянках морского побережья, напротив, часто изображалась древними людьми в приморских группах петроглифов.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ АНДОЗЕРО 2 В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ В КОЛЛЕКЦИЯХ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

М.В. Иванищева

Восточно-Прионежская археологическая экспедиция

Многослойное поселение Андозеро 2 в Восточном Прионежье открыто и исследовалось раскопками С.В. Ошибкиной в начале 1970-х гг. В керамическом комплексе неолитического слоя отмечено значительное разнообразие орнаментации и форм посуды, отнесенной к каргопольской культуре. При просмотре керамики поселения Андозеро 2 в фондах Череповецкого музейного объединения нами выделены несколько групп ранненеолитической керамики на основе аналогий датированным комплексам раннего неолита.

Керамика первой группы – фрагменты от 2-х сосудов с примесью шамота и органики в тесте, с лощенной поверхностью – находит аналогии в неорнаментированной плоскодонной посуде раннего неолита поселений Березовая Слободка II–III и Березовая Слободка VI на Нижней Сухоне, где она датирована в диапазоне 6200–5800 л. н. Происхождение керамики связывается с лесостепными культурами Среднего Поволжья, где традиция примеси шамота в тесте унаследована от елшанской археологической культуры лесостепного Волго-Уралья начала VI – первой половины V тыс. до н.э.

Керамика второй группы – фрагмент придонной части плоскодонного сосуда с каплевидными наколами – имеет прямые аналогии в накольчатой керамике верхневолжской археологической культуры на стоянке Замостье 2. Как в Верхнем, так и в Среднем Поволжье происхождение накольчатой керамики связывают с памятниками Северного Прикаспия. На поселении Березовая Слободка II–III для комплекса с накольчатой керамикой получены даты около 7300 л. н.

Третья группа ранненеолитической посуды представлена керамикой каргопольского типа, самостоятельное существование которой и ранненеолитический возраст устанавливаются по материалам поселения Сойдозеро 1 в Южном Прионежье. С керамикой этого типа может соотноситься дата 6030 BP с поселения Каравайха 4 в бассейне озера Воже в Восточном Прионежье.

Керамика четвертой группы – фрагменты от 10 тонкостенных сосудов с гребенчатой орнаментацией, с примесью мелкотолченой дресвы/песка и органики, редко шамота в тесте. Орнаментальные композиции из плотно поставленных рядов гребенчатых оттисков, разделенных рядами наколов, шагающая гребенка и оттиски естественных орнаментов находят аналогии в гребенчатой керамике поселения Тудозеро V в Южном Прионежье, для которой получены радиоуглеродные даты в диапазоне 7240 и 6600 л. н. Керамика типа Тудозеро V по морфологии, структуре орнамента и общности технологических приемов находит аналогии в камской археологической культуре и за-

ральской ранненеолитической керамике еттовского типа, датированной около 7200–7500 л. н.

Проведенный анализ позволяет закрыть «белые пятна» на «карте раннего неолита» и предполагать полицентричный характер неолитизации южной части Севера лесной полосы.

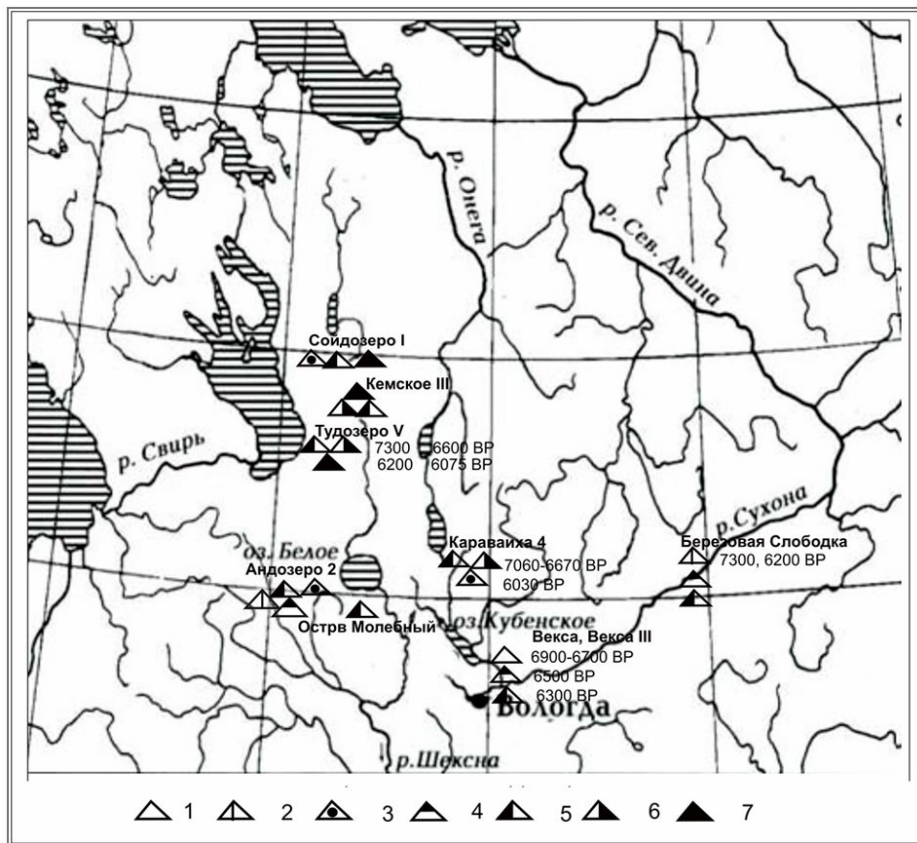

Рис. 1. Ранненеолитические памятники и их хронология на территории Вологодской области.

Типы керамики: 1 – слабо орнаментированная с органикой и раковиной; 2 – неорнаментированная и накольчатая с шамотом; 3 – каргопольского типа; 4 – гребенчатая и накольчатая верхневолжская; 5 – гребенчатая коротко и длинноразбавная, 6 – в том числе с оттисками естественных орнаментов; 7 – спертинг

ЗООМОРФНЫЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ ПОДВЕСКИ В ЛЕСНОМ НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ТОТЕМИЗМ

Е.А. Кашина

ФГБУК «Государственный Исторический музей»

Проблема интерпретации зооморфных подвесок охотников-собирателей-рыболовов финала неолита Восточной Европы чрезвычайно актуальна, поскольку систематизированная коллекция предметов весьма обширна: внутри нее четко выделяются гомогенные серии предметов по морфологии и сырью. Кроме того, картографирование серий этих предметов позволяет уверенно говорить о концентрациях морфологически близких подвесок на ограниченных территориях (в бассейнах одной или двух крупных рек). Такая особенность заставляет рассуждать о причинах, которые могли стоять за подобным распределением. Предположительно, причинами такой дифференцированной локализации могут отражать тотемные представления этих сообществ лесной зоны.

Согласно выводам этнографов российской школы XX вв. А.Н. Максимова, С.А. Токарева и О.Ю. Артемовой, тотемизм – не универсальное явление. Определения тотемизма могут быть разными, но в целом неизменными остаются выводы об основных чертах этого явления, наблюдаемых на материалах Австралии. Группа людей осознает свою связь с определенным животным; тотемные животные, как правило, съедобные, некрупные, неопасные для человека виды; проекция родства на окружающий мир подразумевает связь группы людей и тотемного животного с конкретной территорией.

Рассматриваемые подвески датированы преимущественно 2-й пол. IV тыс. до н.э. (кое-где III тыс. до н.э.). Это волосовская культура Волго-Очья, а также относительно синхронные ей культуры Восточной Балтии, Северо-Запада и Севера России. Изображены разные животные (птицы, бобыры, змеи, рыбы), выполненные из кости, янтаря и кремня общим числом более 200 изделий. Они найдены в слоях поселений, иногда на полу жилищ вблизи очагов, редко – в погребениях, и, как правило, имеют следы износа.

Можно говорить о сходстве Австралии в материалах этнографии XIX–XX вв. и лесной зоны Восточной Европы в финальном неолите в таких аспектах, как: сообщества неспециализированных охотников, огромная территория без препятствий, длинные обменно-брачные связи, сложная духовная жизнь, изобилие предметов искусства. Группировка подвесок на отдельных территориях (бассейны рек), может отражать существование относительно компактных ареалов тотемных групп, например: лебедь (кость, Эстония и восток Латвии), бобр (кость, янтарь, Эстония и Латвия), змея (кость, янтарь, страны Балтии и север Республики Беларусь, подвески из кремня – Тверское Поволжье), рыба (кремень, бассейн Клязьмы и часть Верхней Волги), и, наконец, птицы разных пород в виде головки на стержне (кость, Волго-Окское междуречье), где самой многочисленной подгруппой является такой вид как глухарь.

АРХЕОЛОГ А.Я. БРЮСОВ – СОЧИНИТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА)

Е.А. Кашина

ФГБУК «Государственный Исторический музей»

В докладе представлены материалы личного архива исследователя, связанные с его хобби, в числе которых: художественная проза, юмористическая и сатирическая поэзия, собрание городского фольклора и интересных документов эпохи. Материалы охватывают период с 1925 по 1963 гг. и представляют огромный интерес для исследований в области историографии археологии, фольклористики, истории музейного дела и культурологии советского периода.

Особенно интересно его раннее сочинительство, а также примечательно его положение внутри городцовского ученического кружка в 1920-е гг. Он очень удачно вписался в группу студентов-археологов молодого поколения, и, возможно, положительную роль в этом сыграла его любовь к сочинительству. Тексты «Чухломиада» и «Сцены из индейской жизни» дополняют его выписки смешных оговорок лекторов и сокурсников. Весь этот блок материалов дает довольно ярко представление об атмосфере бурной университетской молодежной жизни в ранний советский период, до начала сталинских репрессий.

Проза, которая меньше удавалась А.Я. Брюсову, представлена «Повестью из времен андроновской культуры», которая, вероятно, относится к концу 1930-х, возможно, к 1940-м гг. Он много раз возвращался к этому тексту и редактировал его. Может быть, повесть предназначалась для семейного круга: ее художественные достоинства не очень высокие, а объем – значительный.

Сатирические поэтические произведения «Первомайская сказка» и «Два бizona» относятся к концу 1950-х и посвящены ровесникам автора, на тот момент уже именитым советским археологам, которых он добродушно высмеивает. Оба текста, возможно, были написаны специально к очередным музейным или университетским археологическим застольям. Сохранилось несколько ребусов, предназначенных, видимо, для тех же застолий, для развлечения коллег.

Тексты частушек, датированные Брюсовым 1906–1920 гг., могут представлять особый интерес для фольклористов. Анекдоты он записывал на протяжении всей жизни. Среди них дореволюционные, еврейские (дореволюционные и послевоенные), антифашистские (1940-х гг.) и политические анекдоты (хрущевского и раннебрежневского времени). Мемуары А.Я. Брюсова – очерк «На тропах археологии» (написан ближе к 1960-м гг., опубликован: Кузьминых, Щавелев, 2012) – были подвергнуты самоцензуре. Рассмотренные материалы довольно четко указывают на так называемую «внутреннюю эмиграцию» личности А.Я. Брюсова, которая целиком была сформирована в дореволюционный период.

ДРЕВНЕЙШАЯ КЕРАМИКА НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

А.М. Киселёва

Институт истории материальной культуры РАН

В современной литературе керамику раннего неолита Кольского Севера традиционно рассматривают в рамках типа Сярйисниemi 1 (Säräisniemi 1/Sär 1). Территория его распространения охватывает северо-восточную Норвегию, северную Финляндию, Мурманскую область и северную Карелию.

Несмотря на объёмные коллекции, находки керамики раннего неолита с Кольского полуострова до сих пор практически не систематизированы и не введены в научный оборот. Кроме того, эти материалы по ряду признаков не могут быть в полной мере охарактеризованы в рамках типа Сяр 1 (например, по наличию плоских донцев у сосудов). Таким образом, разработка новой типологии керамики региона с учётом накопленных к настоящему времени материалов является весьма актуальной задачей.

В рамках работы были изучены все доступные для исследования материалы с 42 памятников Мурманской области. Определено не менее 480 условных сосудов по орнаменту или 250 по венчикам. Типология строилась на таких признаках, как форма венчика и дна сосудов, элементы и мотивы орнамента, техника орнаментации, особенности конструирования сосудов. В итоге, удалось выяснить, что среди изученных материалов достаточно уверенно выделяется две группы сосудов. К первой отнесены сосуды с округлым дном и прямым или скошенным внутрь венчиком, на них фиксируются все выделенные техники нанесения орнамента, также очень часто – «жемчужины» от ямок. Ко второй группе отнесены сосуды с плоским дном. Их венчики всегда прямо срезаны, для нанесения орнамента использовано только штампование, а «жемчужины» отсутствуют. Для каждой группы также определены характерные мотивы и элементы орнамента.

Новые радиоуглеродные определения, полученные по образцам нагара с поверхностей сосудов, относят появление керамики в этом регионе ко второй пол. VI тыс. до н.э. Малое количество имеющихся дат пока не позволяет уверенно говорить о хронологических различиях выделенных групп керамики. Но надо отметить, что наиболее древние даты (вторая пол. VI тыс. до н.э. – начало V тыс. до н.э.) получены для сосудов с округлым дном, в то время как сосуды с плоским дном датируются не ранее первой половины – середины V тыс. до н.э. Также при оценке полученных данных важно учитывать высокую вероятность удревнения дат в результате резервуарного эффекта.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-28-01270

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ НИЖНЕЙ ВИШЕРЫ (СЕВЕРО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ)

**С.В. Копытов^{1,2}, Д.А. Демаков¹, Е.Л. Лычагина^{1,2},
А.В. Чернов³, Н.Е. Зарецкая⁴**

1 - Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

2 - Пермский государственный национальный исследовательский университет

3 - Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

4 - Институт географии РАН

Группа археологических памятников камской неолитической культуры Хомутовское болото I и II, Урсинка I, а также бронзового века Ораловское озеро II и Глубокое озеро II, железного века Ораловское озеро I расположены в широкой пойменной части долины р. Вишеры (бассейн Камы, Пермский край) при выходе ее с Уральских гор в предгорья. Участок долины между г. Красновишерском и п. Рябинино кардинально отличается от вышележащего «горного» отрезка, где Вишера имеет врезанный тип русла. В рамках комплексных исследований 2023 г. здесь проводились работы с использованием методов палеорусловедения.

На субширотном участке до впадения р. Колвы Вишера имеет ширину долины порядка 4–5 км, а русло здесь образует серию крупных петлеобразных излучин, осложненных более мелкими меандрами. Сегменты излучин первого и второго порядка осложнены гривистым рельефом, что значительно затрудняет идентификацию разновозрастных пойменных генераций и надпойменных террас. Большое количество реликтовых заболоченных ложбин и признаков перетоков свидетельствуют о значительных переформированиях долины на разных этапах ее развития, связанных, по-видимому, либо с тектоническим фактором (близостью к переходной зоне между Восточно-Европейской равниной и Уральскими горами), либо с климатическими сигналами регионального или локального характера. На основании ориентировки грив, ложбин и стариц, спектральным признакам, особенностям ландшафтной структуры, на субширотном участке Вишеры выделено 4 группы относительно однородных пойменно-русловых комплексов, включающих в себя набор пойменных генераций и надпойменных террас и отличающихся друг от друга по времени заложения.

С целью верификации предварительной палеогеоморфологической схемы проведены зачистки береговых обнажений разновозрастных элементов долины, бурение заболоченных ложбин и стариц. В районе неолитических стоянок Хомутовское болото I, II и Урсинка I пробурены 5 скважин, описаны и задокументированы 4 разреза пойменных и террасовых отложений. Отобраны образцы на радиоуглеродный, спорово-пыльцевой, карпологический, гранулометрический, OSL-анализы, удельную магнитную восприимчивость, потери при прокаливании, содержание главных породообразующих элементов методом XRF. Образцы

в данный момент находятся в стадии пробоподготовки. Полученные результаты позволят установить стадийность развития русла р. Вишеры на ее субширотном участке посредством датирования ее сегментов. Анализ вещественного состава отложений палеоархивов поможет реконструировать климатические обстановки осадконакопления и определить поселенческие стратегии древнего человека.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>

КОСТЯНЫЕ ЗУБЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ НА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ПОГОСТИЩЕ 15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ (СЕВЕР ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н.В. Косорукова, В.А. Лукинцева, Т.С. Гринина

Череповецкий государственный университет

Торфяниковая стоянка Погостище 15 находится в бассейне оз. Воже, которое соединено в одну водную систему с оз. Лача. Памятник относится к середине эпохи мезолита. На стоянке хорошо сохраняются изделия из кости, среди которых преобладают орудия охоты и рыболовства. В числе орудий из кости представлены зубчатые острия, количество которых составляет 28 экз. (по материалам раскопок 2011–2023 гг.). Среди них выявлено три типа и несколько подтипов. Большинство зубчатых острий отнесено к двум типам: частозубчатые и редкозубчатые. К типу 1 отнесены однорядные мелкозубчатые острия с часто расположенными зубцами, поперечное сечение, чаще всего, уплощенно-подовальное – 14 экз., среди них выделены подтипы: 1.1. – с четко выделенными некрупными зубцами, между которыми имеются небольшие промежутки (острия кундского типа) – 10 экз., в т. ч. имеются 2 целых орудия длиной 22,5 см с обмоткой берестой и нарезками на насаде, остальные представлены обломками; 1.2. – промежутки между зубцами почти не выражены, зубцы расположены совсем часто, их можно назвать зубцы-нарезки – 2 экз., 1.3. – частые мелкие зубцы расположены отдельными группами, между которыми есть промежутки без зубцов – 2 экз., в т. ч. один целый, на нем три группы зубцов, второй – почти целый, некоторые зубцы обломаны. К типу 2 отнесены однорядные острия с редко расположенными зубцами – 8 экз.. Среди них выделены подтипы: 2.1. – с четко выделенными подтреугольными зубцами, с уплощенным сечением – 4 экз., все обломаны, два – значительно, два – незначительно; 2.2. – с низкими или едва намеченными зубцами – 1 экз., 2.3. – более массивные в сечении, с редкими, либо крупными, либо мелкими зубцами – 3 экз., в т.ч. 1 экз. представляет обломок верхнего конца с одним очень крупным верхним зубцом. Тип 3 представлен всего 1 экз., это целое орудие с одним небольшим коротким клювовидным зубчиком, расположенным в средней наиболее широкой части из-

деля, которое сужается как к острию, так и к насаду. Еще 5 экз. представляют собой обломки, которые пока сложно отнести к какому-либо типу, но некоторые из них, возможно, представляют обломки гарпунов.

Костяной инвентарь стоянки Погостище 15, включая зубчатые острия, находит аналогии в материалах стоянки Веретье 1 в бассейне оз. Лаца (в отличие от каменного инвентаря), а также в материалах памятников Волго-Окского междуречья.

«ПЕРЕВЁРНУТЫЕ ВО ВРЕМЕНИ»: О РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕО– ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ САХТЫШСКИХ МОГИЛЬНИКОВ (ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ.)

Е.Л. Костылёва¹, А.В. Уткин²

1 - ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

2 - независимый исследователь

По останкам более тридцати погребенных из сахтышских могильников в лабораториях Белфаста, Гронингена и Киля были получены новые радиоуглеродные AMS даты. Они представлены в препринтах статей, основными авторами которых являются исследователи из Дании (M. Allentoft et al.) и Германии (J. Meadows et al.). Эти даты заставляют нас пересмотреть прежние представления о хронологии и культурной принадлежности ряда захоронений.

Как показали две даты (BP uncal: 4616±38 и 4730±25), полученные в лабораториях Белфаста и Гронингена, молодая женщина с Сахтыша Па (№ 11), погребённая в положении скорченно на левом боку с восточной ориентацией в слое ортзандов и отнесённая нами к льяловской культуре на основе стратиграфии и аналогий из раскопок В.В. Сидорова (Языково I, Ловцы I, Маслово Болото II), умерла в эпоху бронзы, скорее всего, в фатьяновское время.

«Перевернутыми во времени» оказались и захоронения волосовской культуры. Созданная нами стройная, как нам казалось, схема происхождения и развития волосовской культуры теперь требует пересмотра. Погребения с янтарными украшениями (№№ 9, 15, 39) из могильника Сахтыш Па в результате применения к их AMS датам (BP) поправок на резервуарный эффект, согласно модели, предложенной Джоном Медоузом, оказались более поздними, чем нам представлялось раньше. А в категорию более ранних попали захоронения с украшениями из сланца и серпентина. Последний был для нас хронологическим маркером принадлежности останков людей к поздне/финально-волосовскому времени. Заметим, что в коллективном (около 20 костяков) двухъярусном захоронении на Сахтыше II (№ 15) были представлены останки людей как с поздними типами янтаря (шай-

бы, бочёнковидные пронизки, кулон и др.), так и с украшениями из серпентина. Покойник, «подхороненный» последним у западного края могильной ямы, датируется поздневолосовским временем. Не исключено, что основные захоронения нижнего яруса, могут относиться к более раннему времени.

Возможно, что в будущем при более глубоком и всестороннем анализе всех обстоятельств, связанных с захоронением каждого конкретного индивида сахтышских могильников, некоторые из них обретут своё реальное положение во времени.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ)

Е.В. Леонова

Институт археологии РАН

Проблема периодизации каменного века по-прежнему остается актуальной. Варианты критериев выделения отдельных эпох до сих пор весьма разнообразны, хотя очевидно, что в основе единой классификации должен лежать единый принцип. Если для начальных периодов каменного века этим критерием выступает смена руководящих форм каменных орудий и технологии расщепления камня, то основания выделения мезолита (который не всеми исследователями признается и/или не для всех территорий ойкумены выделяется) и неолита разнообразны, и зачастую далеки от тех инструментов анализа, которыми располагает археолог без обращения к данным из других областей науки. Непригодность хозяйственного или экономического уклада в качестве критерия выделения неолита, на мой взгляд, очевидна. Во-первых, экономический уклад – это не археологическая данность, если он как-то и отражается в материальной культуре, то весьма опосредованно. Определение уровня экономического развития – это всегда реконструкция, основанная на целом ряде данных и требующих привлечения широкого круга специалистов из разных областей науки. Во-вторых, у земледельцев и скотоводов могли (и были) поселения (стоянки), на которых не велась деятельность, связанная с производящим хозяйством и/или использованием керамической посуды. Соответственно материалы этих поселений должны трактоваться как мезолитические/эпипалеолитические. Критерии эпохи мезолита также не едины, в большинстве случаев главным аргументом отнесения материала к мезолиту выступает возраст (начало голоцена) для начала эпохи и появление керамики, как ее завершение.

Однако, отчасти интуитивно, т.е. без четких дефиниций, каменные индустрии

определенных довольно обширных территорий мы распределяем по периодам, порой не имея данных о наличии керамики, конкретных дат, заключений палинологов, карпологов, остеологов и т.д. Это значит, что есть набор признаков, который позволяет без обращения к естественнонаучным данным определять эпохальную принадлежность ряда категорий каменных артефактов.

Маловероятно сейчас предложить единые исчерпывающие критерии для всей ойкумены, но наметить некоторые из них для достаточно обширных пространств, включая Европу, Урал, Западную Азию, и Средиземноморскую часть Африки, наверное, возможно. В таблице 1 приведены несколько как общепринятых (керамика, шлифованные орудия), так и вероятно диагностических, хотя не всегда равноценных по значимости (территориальному охвату) признаков, которые в совокупности могли бы стать эпохальными маркерами развития материальной культуры заключительного (или заключительных) этапов каменного века. Для большей наглядности выбраны два достаточно удаленных друг от друга в широтном отношении региона: Ближний Восток и лесная зона Восточной Европы, а также приведены данные о «промежуточном» в географическом отношении регионе – Северном Кавказе.

Таблица 1. Синхронизация некоторых изменений каменного инвентаря в культурах конца плейстоцена – начала голоцена и время появления керамической посуды на Ближнем Востоке, Северном Кавказе и лесной зоне Восточной Европы.

Регион	Появление техники отжима пластины (мод 1–3)	Появление шлифованных каменных орудий, в т.ч. рубящих	Переход к бифасиальным формам предметов охотничьего вооружения	Появление поперечно-лезвийные наконечники в виде высоких трапеций	Появление керамики
период					
Лесная зона Восточной Европы	1-я пол. X тыс. до н.э.	Рубеж IX-VIII тыс. до н.э.	2-я пол. VI тыс. до н.э.	Не позднее рубежа IX-VIII до н.э.	Рубеж VII–VI тыс. до н.э.
период	мезолит	мезолит	конец раннего неолита	мезолит (финальный палеолит ?)	начало неолита
Северный Кавказ	1-я пол. X тыс. до н.э.	?	?	X тыс. до н.э.	Нач. VI тыс. до н.э.
период	Поздний мезолит	неолит ?	?	Поздний мезолит	неолит
Ближний Восток	1-я пол. X тыс. до н.э.	Кон. XI тыс. до н.э.	Не позднее 1-ой пол. VII тыс. до н.э.	Сер VII тыс. до н.э.	Сер. – 2-я пол. IX тыс. до н.э.
период	Докерам. неолит	Эпипалеолит/ докерам. неолит	Конец докерам. поздний (керамический) неолит	Поздний (керамический) неолит	Докерам. неолит

Важно отметить, что для выявления эпохальных рубежей важна синхронизация трансформации отдельных элементов в рамках культуры или на более общем уровне технокомплекса, а не повсеместно.

Появление техники отжима пластин происходит практически одновременно, но соответствует разным периодизационным подразделениям. Необходимо отметить, что параллельно как на Ближнем Востоке, так и в лесной зоне Восточной Европы сосуществуют культуры, не владеющей этой техникой. На Ближнем Востоке этому событию предшествует распространение каменных шлифованных орудий. Появление поперечнолезвийных наконечников и переход к бифасиальным формам происходит позднее, но эти два явления близки по времени. В лесной зоне Восточной Европы появления шлифованных рубящих орудий и поперечнолезвийных наконечников происходит синхронно, но в параллельных сосуществующих культурах, а переход к изготовлению ряда орудий при помощи двусторонней ретуши совпадает началом развитого этапа керамического неолита.

Несмотря на вышеперечисленные «неувязки», определенные хронологические и периодизационные реперы есть, но требуют более подробного разбора и унификации даже таких понятий как, например, «появление»: на неоднозначность в понимании указывает даже факт появления керамики задолго до наступления «керамического неолита» на Ближнем Востоке (Табл. 1).

ДНЕПРО-ДВИНСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В КОНТЕКСТЕ РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**А.Н. Мазуркевич¹, Е.В. Долбунова¹,
Д.К. Еськова², В.Л. Филиппова¹**

1 - Государственный Эрмитаж

2 - Институт археологии РАН

В раннем неолите в лесной зоне Восточной Европы формируется несколько региональных археологических культур в близкие хронологические периоды, концентрирующиеся вокруг середины VI тыс. до н.э. Богатые и разнообразные экологические ниши лесных зон позволили древним обществам длительное время вести образ жизни, ориентированный на присваивающее хозяйство. Фиксирующиеся климатические изменения могли приводить к нестабильности этих экологических ниш, что могло заставлять общества изменять адаптационные механизмы (через появление инноваций, формирование новых социальных и экономических систем), одновременно влияя на облик окружающей среды.

Сложность сужения хронологического интервала и реконструкции путей проникновения ранненеолитических традиций связана с недостатком материалов для датирования, значительным влиянием резервуарного эффекта, неравномерностью исследования отдельных территорий. Радиоуглеродная хронология Восточной Европы во многом основана на конвенциональных датировках, которые удлиняют процесс существования древнейших керамических культур. Сравнение процессов, которые датируются конвенциональными датировками, выбор материала для датирования с точной пространственной и культурной привязкой и более точными датировками на АМС позволяют сузить период бытования этих традиций. На основе анализа существующих датировок были предложены волновые модели распространения древнейшей керамики, однако исследование керамических традиций значительно усложняет эти модели.

Днепро-Двинское междуречье – регион, где было выявлено несколько керамических традиций, существовавших в раннем неолите, аналогии которым могут быть найдены на территории Подонья, Валдайской возвышенности, Подесенья и Буго-Днестровского междуречья. Исследования кремневого комплекса позволяют соотнести своеобразие отдельных керамических фаз и различных технологических и морфологических традиций в области каменной индустрии. Аналогии в области керамического производства выражаются в сходстве сложных орнаментальных систем и/или морфологии и технологии изготовления сосудов. Это указывает на различные механизмы взаимодействия с разными древними сообществами и/или заселенность данного региона в момент появления новых традиций и возможного их взаимодействия. Аналогии, указывающие на различные векторы проникновения новых традиций, перенос кремневых и керамических комплексов могут отражать особенности формирования и распространения сообществ в раннем неолите на территории Восточной Европы.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7–3 тыс. до н. э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»).

В ПОИСКАХ ОТКРЫТЫХ ПАМЯТНИКОВ: ПОЛЕВЫЕ И АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ДНЕПРА И ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

**А.Н. Мазуркевич¹, Н.А. Кренке²,
В.Л. Филиппова¹, Е.В. Долбунова¹**

1 - Государственный Эрмитаж

2 - Институт археологии РАН

В бассейне Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепровья выявлено более 200 стоянок каменного века, среди которых сезонные и долговременные поселения охотников-собирателей-рыболовов. С 1960-х гг. здесь проводились микро-региональные исследования, которые позволили реконструировать всю цепочку развития материальной культуры для неолитического периода. В этом регионе известно несколько мезолитических стоянок, поселения раннего неолита с одной из древнейших глиняной посудой Восточной Европы, датируемой VI тыс. до н.э., фиксируется проникновение степных сообществ в V–IV тыс. до н.э. и формирование феномена культур свайных поселений конца 4–3 тыс. до н.э., в материальной культуре которых отражаются как южные, так и западные культурные связи. Разрозненные сведения о случайных находках и скоплениях материалов каменного века, а также стоянках, полученных при разведочных работах, результаты раскопок, собранные в различных трудах (Лявданский 1927; Третьяков, 1971; Шмидт, 1976), стали основой для проведения первоначального картирования памятников. Для атрибуции описанных материалов и определения границ выявленных культур, более точных путей их проникновения были начаты исследования коллекций материалов в музеях Смоленской и Псковской области (23 музея), инкорпорирование геоданных в пространстве ГИС, привлечены архивные данные об упоминаниях находок и местонахождений каменного века в регионе и начаты археологические разведки в отдельных микрорегионах – Смоленском Поозерье и Дорогобужском районе.

Исследовательские задачи включают установление при полевых работах месторасположения и современного состояния описанных в литературе памятников, степени близости различных комплексов поздненеолитических памятников, происходящих из отдельных микрорегионов в сравнении с опорными археологическими микрорегионами.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7–3 тыс. до н. э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»).

Список литературы

Лявданский А.Н. Некоторые данные о каменном веке и о культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Научные известия Смоленского Гос. Университета. Смоленск, 1927. Т. IV. Вып.3. С. 219–257.

Третьяков В.П. Изучение неолитических стоянок на Смоленщине // Археологические открытия 1971 г. М.: «Наука», 1972.

Шмидт Е.А. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н.э. Смоленск, 1976.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ РОГА СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ НА ПОСЕЛЕНИИ НЕОЛИТА – ЭПОХИ БРОНЗЫ МАЯК 2 (МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)

А.А. Малютина, А.И. Мурашкин, С.Д. Такташева

Институт истории материальной культуры РАН

Поселение Маяк 2 (Мурманская обл.), раскопанное в 1979–1984 гг. Н.Н. Гуриной (КолАЭ ЛОИА АН СССР), датируется в интервале 4730–1430 calBC (Мурашкин, Карпелан, 2013). Здесь, на площади 1032 кв. м, было выявлено 14 объектов (остатков жилищ, раковинных куч), а мощность культурного слоя на некоторых участках достигала 0,8 м (Гурина, 1997. С. 56–67, 85–89; Киселева, Мурашкин, 2019). Среди фаунистических остатков кости морских млекопитающих (гренландский тюлень, кольчатая нерпа, морж) составляют до 90%, остальное – северный олень, медведь, бобр, песок, птицы и рыбы. Из рога северного оленя, костей крупных наземных млекопитающих, зубов морских и наземных млекопитающих изготовлено 564 изделия различных категорий; еще 1272 предмета имеют следы обработки (Шумкин, 1984. С. 95–96). Уникальная по разнообразию и сохранности коллекция изделий из кости, рога и зубов этого поселения позволяет восстановить цепочку технологических операций от выбора сырья до конечного предмета, раскрыть особенности производства и впервые для археологии Северной Европы рассмотреть проблему транзита техник при переходе от использования каменных инструментов для обработки твёрдых органических материалов к металлическим.

Нами изучены древние способы обработки рога северного оленя (*Rangifer tarandus*) по данным макро- и микроскопического анализа технологических следов на артефактах. Такое исследование порядка 300 артефактов, включающих отходы производства, заготовки и законченные изделия, проведено впервые. В результате удалось выявить две схемы раскройки рога для получения заготовок. Первая схема включала продольную и поперечную рубку рога, которая могла

Рис. 1. Поселение Маяк 2. Отходы производства из рога северного оленя.

1–3 – со следами рубки; 4–7 – со следами от прорезанных пазов. Фото А.А. Малютина, С.Д. Такташева.

выполняться каменными или металлическими орудиями (рис. 1: 1–3), вторая – прорезание продольных и поперечных пазов с последующим делением по ним (рис. 1: 4–7). Получение заготовок из рога северного оленя хорошо выверенными способами на поселении Маяк 2 в неолите – бронзовом веке демонстрирует сложившийся технологический процесс (производственный цикл), когда мастер знал свойства самого сырья и хорошо представлял, из каких элементов рога лучше всего изготовить тот или иной предмет. В результате проведённого исследования мы можем говорить о двух технологических приёмах получения заготовок с использованием разного каменного (или металлического?) инструментария – о рубке и резании. Эти две схемы, предположительно, использовались в разные периоды существования памятника. Кроме того, установлено, что базальная часть рога фактически не использовалась (обнаружен один случай); подавляющее большинство орудий, предметов быта и украшений изготавливалась из медиальной части – ствола. Отростки рогов использовались редко и для ограниченного набора изделий.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект №23-28-00543: “Традиции косторезного производства в арктической зоне Фенноскандии в неолите и бронзовом веке”.

Список литературы:

Мурашкин А.И., Карпелан К. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб: СПбГУ. 2013. С. 200–207.

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение. 1997. 240 с.

Киселева А.М., Мурашкин А.И. Культурная стратиграфия поселения Маяк 2 на Кольском полуострове // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка, СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ. 2019. С. 37–39. <https://doi.org/10.31600/978-5-91867-189-4-2019-37-40>

Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрии мезолита - раннего металла Кольского полуострова: Дис. ... канд. ист. наук. Л. 1984. 227 с.

ПОДВЕСКИ НОВОБИКСЕНТЕЕВКОГО ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА

**В.В. Морозов¹, В.В. Ставицкий², А.Л. Смирнов³,
В.И. Данилевская³, Э.Т. Султанова¹**

1 - ООО «Археология Восточно-Европейской равнины»

2 - Пензенский государственный университет

3 - Институт археологии РАН

В 2023 г. во время актуализации границ раннесредневекового селища вблизи бывшей д. Новое Биксентаево были расчищены остатки детского погребения (рис. 1: А) с украшениями из кости и раковины. На левой ноге погребенного расчищена подвеска круглой формы из раковины (?), размерами 1,8×1,9 см и сверлиной диаметром 4,3 мм посередине (рис. 1: Б). Каплевидные подвески со сферическим туловом и тонкой верхней частью с отверстием зафиксированы между берцовых костей. Предположительно подвески изготовлены из компакты трубчатой кости крупного млекопитающего. Поверхность заполирована, сверления – биконические. Длина изделий варьирует от 13 до 15 мм, ширина – 12–13 мм, толщина – от 8 до 10 мм, диаметр отверстий 2 мм (рис. 1: В).

Ближайшие территориально-хронологические аналогии круглой подвеске из раковины происходят из Русско-Шуганского погребения, расположенного в 58 км южнее Новобиксентеевской дюны, где выявлено более двухсот аналогичных изделий меньшего диаметра (Казаков, 2011).

Анализ аналогий «каплевидным» костяным подвескам позволил установить их узкую хронологию бытования. В Хвалынском II могильнике в погребении №8 найдено три аналогичных – «двойковыпуклых» – подвески (рис. 1: Г) (Кириллова, 2010). Даты погребений данного могильника укладывается в промежуток 5047–4536 calBC (Моргунова и др..., 2010). В погребении 1 могильника Красноярка выявлено 22 подвески подобные новобиксентеевским (рис. 1: Ж). AMS дата погребения 3992–3796 calBC была получена по коллагену человеческой кости (Богданов, Хохлов, 2012).

Обширные аналогии новобиксентеевским подвескам происходят восточнее – с Урала и Западной Сибири. Из разрушенных погребений Бурмантовского грота (рис. 1: Е) и пещеры Жилище Сокола (рис. 1: Д) (восточный склон Уральских гор) по аналогичным подвескам получены AMS даты: 4260–3970 calBC – Бурмантовский грот и 4360–4060 calBC – Жилище Сокола (Чаиркина, Кузьмин, 2018). В Западной Сибири такие подвески также выявлены на ряде памятников, датированных по углю: в погребениях могильников Чепкуль 21 (рис. 1: З) 4322–3814 calBC (Мосин, 2023); Перейменский 2 (Зах, Усачева, 2014); в погребении №7 могильника Умытья 100 (рис. 1: И) и в сооружении №14, дата которого 4232–3819 calBC (Клементьева, Погодин, 2020).

Таким образом, хронология погребений с костяными каплевидными («гирь-

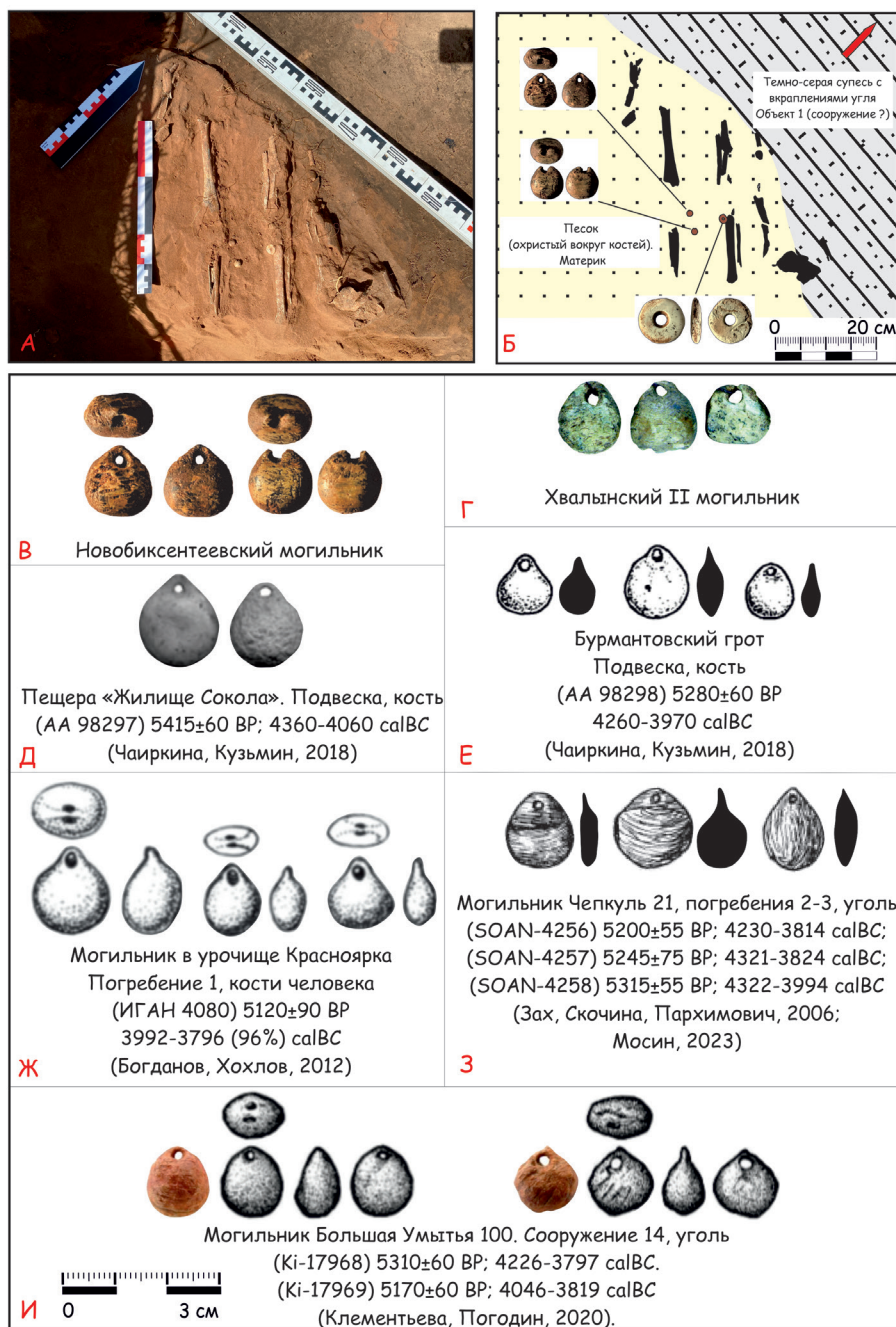

Рис. 1. А – Новобиксентеевский могильник. Погребение №2. (фото) Б – Новобиксентеевский могильник. Погребение №2. (чертеж) В – «каплевидные» подвески из погребения №2 Новобиксентеевского могильника и их аналогии в погребельных комплексах Волго-Уралья (Г, Ж), Урала (Д, Е) и Западной Сибири (З, И).

кообразными») подвесками укладывается в хронологический промежуток 5047–3796 калиброванных лет до н.э., а если исключить радиоуглеродные определения, полученные по костям человека, такой диапазон сузится до значений 4360–3814 calBC.

Видимо, этим же временем предварительно можно датировать погребение Новобиксентеевского могильника.

Список литературы

Богданов С.В., Хохлов А.А. Энеолитический могильник в урочище Красноярка // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. №3. С. 205–213.

Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы. Том 1: Археологические памятники. Новосибирск: Наука. 2014. 231 с.

Кзаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье // Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: ООО «Фолеантъ». 2011. 180 с.

Кириллова И.В. Изделия из органических материалов в погребениях Хвалынских могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Составитель и научный редактор С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс. 2010. С. 351–370.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020. Т.9. №1 (30). С. 131–141.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. №4. С. 18–27.

Мосин В.С. Хронология энеолитических памятников Зауралья // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия: История, филология. 2023. Т.22. №3. С. 61–71.

Чаиркина Н.М., Кузьмин Я.В. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. №2 (59). С. 124–134.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА 3 И РАЗВИТИЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ НА ВЕРХНЕЙ СУХОНЕ В НЕОЛИТЕ

Н.Г. Недомолкина

БУК ВО Вологодский государственный музей-заповедник

Регион Верхней Сухоны находится на территории бывшего Сухонского палеозера. Как показывают результаты работ, керны для получения пыльцевых колонок на территории долгого затопления не всегда хронологически определимы. И только наличие стратифицированных археологических памятников на этих же территориях позволяет более точно определить хронологический диапазон. Комплекс много-слойных поселений Вёкса, расположенных в бассейне Верхней Сухоны, с хорошо стратифицированной последовательностью археологических слоев, толщина которых, с намывными прослойками, достигает 3 м, является ключевым пунктом для реконструкции доисторических и культурных исторических событий на северо-востоке лесной зоны Европы. С археологической точки зрения, поселения Вёкса 1 и Вёкса 3 обеспечивают богатые и разнообразные пространственные, стратиграфические и материальные данные по раннему неолиту, энеолиту, бронзовому веку, раннему металлу и средневековью. Две колонки образцов пыльцы с Вёксы способствуют нашему пониманию развития растительного покрова в регионе. Колонка VKS16 была получена из древнего дренажного канала палеозера. Основываясь на значительных изменениях в пропорциях древесной пыльцы (ДП), для VKS16 были выделены четыре палинозоны (А–D), далее на основе незначительных изменений разделенные на подзоны. Из профиля шурфа 2 поселения Вёкса 3 (VKS3/2) получен монолит с перекрытием с использованием ящиков для образцов. Чтобы обнаружить изменения в растительности во время фаз отложений, на палинологический анализ было отобрано 15 проб осадков из стратиграфических слоев. Пять палинозон (А–Е) были выделены на основе различных осадочных слоев. Монолит стратиграфической колонки охватывает периоды от бореала до современности. На основании археологических исследований в работе дана характеристика комплексов поселения Вёкса 3 и развитие растительности в неолите.

По археологическим данным территория Верхней Сухоны начинает осваиваться в раннем неолите, в VI тыс. до н.э. «Второй гребенчатый комплекс» и льяловский комплекс поселения Вёкса 1 датируются в рамках V тыс. до н.э. Неолитический комплекс поселения развитого неолита (слой 7) датируются в рамках первой половины – середины IV тыс. до н.э. Продолжительное затопление фиксируется в рамках середины – третьей четверти IV тыс. до н.э. Каргопольские комплексы поселений датируются второй половиной IV – началом III тыс. до н.э.

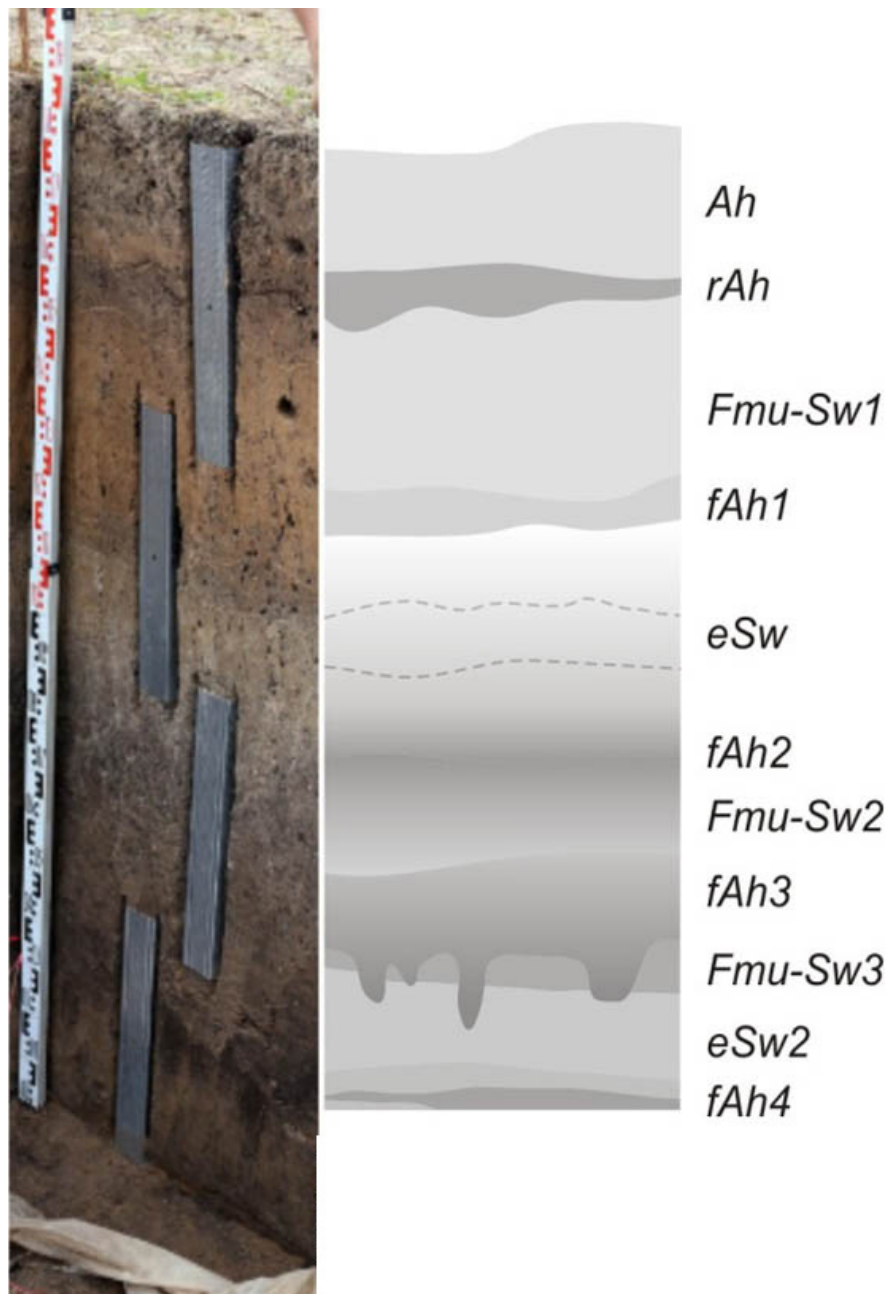

Рис. 1. Вёкса 3. Поселение. Фото отбора образцов.

Схематическое изображение культурных горизонтов (по Anne Lipke, 2016 г.). Неолитические культурные горизонты от fAh2 до fAh4.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «БЕЛОЙ ГЛИНЫ» И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НЕЕ В ОБРЯДЕ РАННЕГО НЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА НА УРАЛЕ

С.Н. Панина

ГАОУ СО «Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е.Клера»

Усть-Вагильский холм (Гаринский район, Свердловская область) относится к своеобразному типу археологических памятников, возникших в раннем голоцене в Зауралье и Западной Сибири. Это культовые места, на которых проводились обряды с последующим перекрытием жертвенной площадки слоем земли, так называемые жертвенные бугры или «холмы». Они могли функционировать на протяжении тысячелетий от неолита до средневековья.

В нижнем слое Усть-Вагильского холма, на глубине -4,45 м, было обнаружено жертвенное место – пространство, огороженное дугообразной канавкой, заполненной углистыми прослойками и мощными проколами. Канавка, по периметру, была ограждена сгоревшими кольями. Внутри сакрального пространства расчищены скопления костей, которые залежали двумя компактными группами на расстоянии 2,20 м друг от друга в направлении СВ–ЮЗ. По определению П.А. Косинцева это были кости, зубы и рога лося, северного оленя, собаки, соболя, волка, шуки и 7 фрагментов теменных и затылочных частей черепов человека.

Скопления остеологических остатков, лежали в слое черно-коричневой супеси с вкраплениями необожжённой белой глины в виде круглых шариков, диаметром 3–5 см или продолговатых, круглого сечения, жгутов (длиной 15–30 см, диаметром до 5 см). В некоторых случаях эти жгуты заполняют расколотые трубчатые кости животных, или составляют композицию, имитирующую трубчатые кости. Фрагмент человеческого черепа № 7 также был заполнен внутри слоем белой глины. На самом холме залежей этой глины не обнаружено, ближайшее месторождение находится в 80 км от памятника.

Аналогии использования белой глины, или порошка мергеля в погребальных обрядах известно в мезолитических могильниках Попово и Песчаница в Восточном Прионежье близ оз. Лача (раскопки С.В. Ошибкиной) и в Северной Германии, в земле Бранденбург в мезолитическом могильнике Гросс Фреденвальде, раскопанном в 1962 г. Б. Грамшем. В захоронениях использовалась белая глина или порошок мергеля для посыпки дна могильной ямы и человеческих останков. В могильнике Гросс Фреденвальде, в одном из комплексов найдено 5 мелких предметов из глины, с примесью белого красителя.

ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ВООРУЖЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЖОХОВСКОЙ СТОЯНКИ

В.В. Питулько

Институт истории материальной культуры РАН

Жоховская стоянка, расположенная под 76° с.ш. в Сибирской Арктике (о. Жохова, Новосибирские о-ва), является одним из наиболее северных археологических памятников мира, и документирует древнейший этап освоения человеком высокоширотной Арктики. Установлено, что её возраст отвечает интервалу 9300–8500 л. н. Анализ структуры коллекции радиоуглеродных датировок позволил выделить несколько крупных циклов активности древнего человека на стоянке, соответственно, 9100, 9000–8900, 8800–8600, 8500 календарных л. н. Многократные посещения, возможно, приводили к более или менее постоянному пребыванию на протяжении нескольких лет, с последующим отсутствием в течение сопоставимого по продолжительности времени. Подобная реконструкция хорошо вписывается в модель жизнеобеспечения жоховских охотников. Изучением комплекса фаунистических остатков выявлены свидетельства круглогодичного использования человеком современной территории острова. В остеологической коллекции северный олень и белый медведь суммарно составляют почти 100%, с минимальным количеством добытых особей, соответственно, 245 и 130, при этом номинально более многочисленный промысловый вид (северный олень) по вкладу в валовый объём добычи очевидным образом уступает полезному выходу, получаемому в результате охоты на медведя. На оленей охотились во все сезоны, кроме зимы. В зимнее время основным видом хозяйственной деятельности становилась охота на белого медведя, которого добывали на берлогах, что связано с биологией и поведением этих зверей. Масштаб охоты на белого медведя в арктических обществах различается во времени и пространстве, однако вклад белого медведя в ископаемые фаунистические композиции всегда невелик. На постоянной основе его добывают редко. Так, даже в Гренландии, где популяция белого медведя многочисленна, его роль в качестве охотничьей добычи в проанализированных местных археологических контекстах, сформировавшихся за последние 4000 лет, ничтожна. Таким образом, Жоховская стоянка представляет собой уникальный вариант охотничьей специализации. Возможность такого промысла, вероятно, была главной причиной неоднократных посещений территории человеком. В охотничьем инвентаре жителей стоянки во множестве представлены вкладышевые и некладышевые формы орудий, изготовленные из различных костеподобных материалов (рог северного оленя, кость, ископаемый бивень мамонта и кости плейстоценовой фауны).

Данное исследование поддержано проектом РФФ № 21-18-00457.

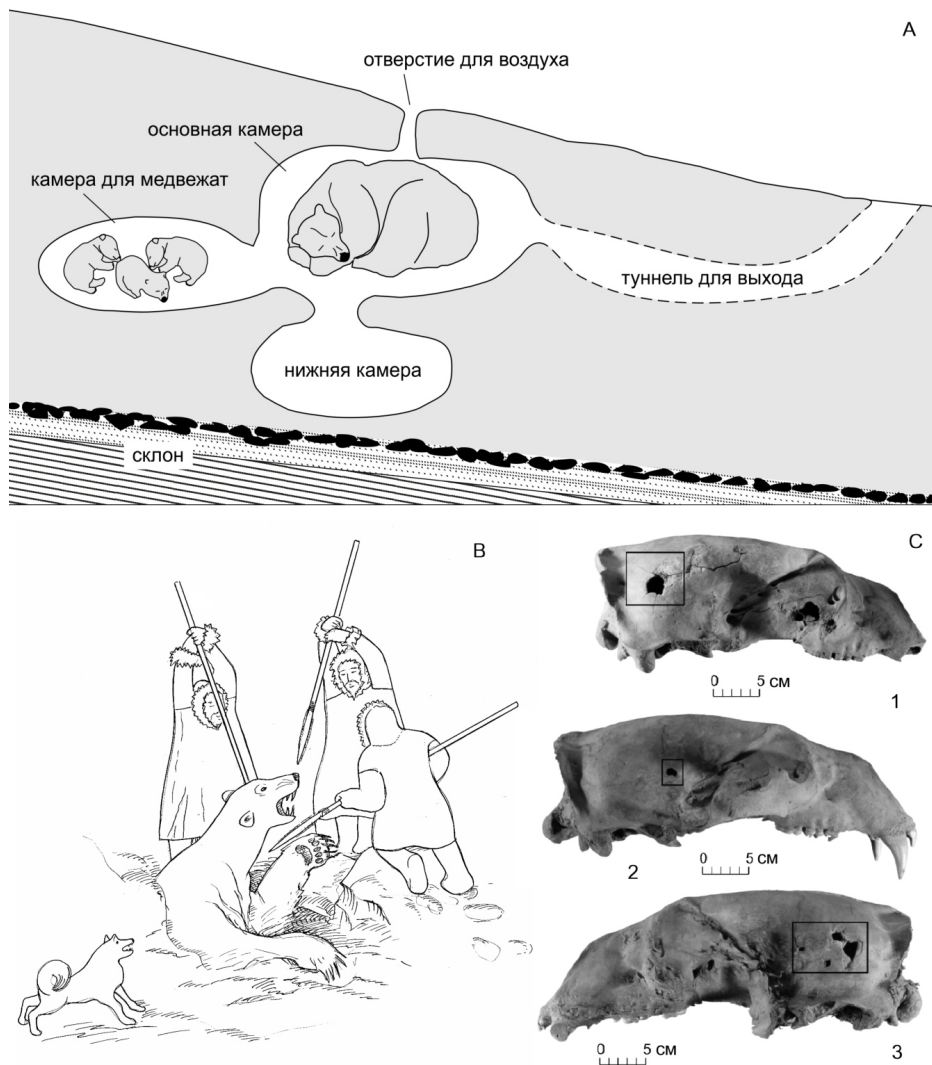

Рис. 1. Стратегия и тактика охоты на белого медведя у людей Жоховской стоянки (реконструкция).

А – схематический разрез берлоги белого медведя; В – реконструкция охоты на белого медведя на берлоге (рис. А.О. Машезерской); С – черепа белого медведя из раскопок Жоховской стоянки с примерами следов охотничьего воздействия (1, 2 – поражение в мозговую капсулу справа сзади; 3 – поражение в мозговую капсулу слева сзади)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗНЫХ ТИПОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

Ю.Б. Сериков

Нижнетагильский филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета

К настоящему времени на территории Среднего Зауралья известно около 200 мезолитических памятников. Их разнообразие позволяет выявить различные детали хозяйственной, производственной и культовой практики местного населения в эпоху мезолита.

Анализ долговременных поселений свидетельствует, что в эпоху мезолита местное население освоило новую для себя экологическую нишу. Такой нишей явились проточные озера, использование которых давало постоянный источник пищи. Наличие сезонных поселений позволяет предположить, что в мезолите уже существовал сезонный циклический календарь. Весной охотники добывали лосей или северных оленей, поджидая их на миграционных путях у переправ через реки. Кроме ежегодной «покологии» на переправах местное население использовало и ловчие ямы. Осенью происходила охота на перелетную и боровую птицу.

Кратковременные стоянки подразделяются на два типа. Поскольку древнее население в качестве дорог использовало реки, все стоянки на берегах рек можно отнести к кратковременным остановкам на пути следования. Стоянки на берегах озер всегда связаны с разными видами хозяйственной деятельности. Большой информативностью отличаются заторфованные прибрежные участки озер, на которых присутствуют не только каменные, но и костяные изделия, а также фаунистические остатки. Их культурные слои позволяют охарактеризовать объекты и орудия промысла, а также значение в хозяйстве различных животных и растений.

В Тагильском Зауралье изучено два типа камнеобрабатывающих мастерских. Мастерская по первичному расщеплению камня снабжала долговременные поселения региона подготовленными к утилизации заготовками камня. Специализированные мастерские по изготовлению рубящих орудий показывают большую востребованность топоров и тесел у местного населения.

Все три мезолитических клада по количеству находок, их составу, компактности и плотности залегания можно отнести к ранцевым наборам древних охотников. Но анализ их топографии позволяет предполагать, что клады могли использоваться в качестве своеобразных маркёров символической границы между освоенным и неосвоенным пространством.

Мезолитические святилища выявлены в пещерах и на вершинах скальных образований – шиханов. Их комплексы отличаются удивительным единообразием. Кроме наконечников стрел в них представлены нуклеусы, поперечные сколы с нуклеусов и микропластинки. Необычно большое количество находок (23,5 тыс. экз.) в пещере Камня Дыроватого позволяет считать пещеру межплеменным святилищем.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ В ВАЛДАЙСКОМ ПРИОЗЕРЬЕ

Г.В. Сеницына

Институт истории материальной культуры РАН

В IX–VII тыс. до н.э. в Валдайском Приозерье по материалам многослойных стоянок на северном берегу оз. Волго Тверской обл. выявлены индустрии, основанные на узкопластинчатой технике расщепления. Сырьевая стратегия определяла хозяйственную и культурную специфику, что отразилось на облике инвентаря. Начиная с финального палеолита есть единичные свидетельства о существовании вкладышевой техники в конце беллинга и техники отжима в дриасе III. Наличие артефактов позволяют предполагать присутствие населения рессетинской культуры, основанной на вкладышевой технике и привязке к высококачественному кремневому сырью. Кроме автохтонной рессетинской индустрии, наиболее количественно представительными являются автохтонные индустрии гренско-иеневского типа. Происхождение мезолитической бутовской (заднепилевской) культуры остается дискуссионной проблемой. В пребореальных отложениях стоянки Баранова гора бассейна Верхневолжских озер был найден свидерский инвентарь из мелового кремня с затертыми краями от длительного пребывания в кожаной (?) ёмкости. Инвентарь представлен единичными формами, выполненными из мелового кремня, что дает основание для предположения о наличии контактов (продвижение/взаимодействие) между древними популяциями западных и восточных территорий.

Рис. 1. Нуклеус. Стоянка Девичье, южный берег озера Волго, Осташковский район, Тверской области (фото К.Н. Степановой).

В бореальный период здесь формируется общность валдайской культуры, для которой характерны крупные формы инвентаря, основанные на богатой сырьевой базе. Ранцевые наборы являются ярким свидетельством наличия обмена. Среди бифасиально обработанных рубящих орудий, единичные экземпляры представлены массивными изделиями длиной до 25 см. Спецификой материалов валдайской культуры являются клиновидно-килевидные нуклеусы торцевой техники расщепления. Выразительной формой этого типа является нуклеус стоянки Девичье (рис. 1), аналог нуклеусам из ранцевого набора стоянки Котчище II. Среди орудий доминируют скребки, в том числе валдайского типа; яркими формами являются ножи, оформленные на пластинках с «выделенной головкой», нуклеусы-резцы. Отличительной чертой черешковых наконечников стрел валдайской культуры является подтека пера тонкой стелющейся ретушью. Особое место в инвентаре бореального периода занимают геометрические трапеции, на смену которым, в конце мезолита приходят полифункциональные сечения. Типологический состав инвентаря отражает сходство на огромной территории, поскольку культуры формируются в лесной зоне, как культурно-хозяйственный тип охотников-собирателей и рыболовов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗУБОВ ЖИВОТНЫХ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 (ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

С.Н. Скочина

Институт проблем освоения севера СО РАН Тюменского научного центра

На поселении Мергень 6, расположенном в лесостепной зоне Западной Сибири, орудия для обработки дерева занимали важную нишу в сфере производственной деятельности. Разнообразный инструментарий (топоры, тесла, долота, стамески, струги, резчики-скобели), наделенный широким функционалом, использовался для обработки сосны и других пород дерева, являвшихся ценным материалом для строительства сооружений, средств передвижения, орудий для промыслов и предметов домашнего быта. Работы, связанные с тщательной обработкой поверхностей и точной пригонкой различных элементов, проводились инструментами, режущей кромкой которых служила зубная эмаль. Данный тип орудий представлен клыками и зубами медведя (6 экз.) и нижними челюстями животных (4 экз.) (рис. 1).

Первые изготовлены из расколотых пополам продольно зубов, у которых сохранялась не только эмаль, но и корневая часть. Рабочей зоной служила коронка зуба, на которой оформлялась воронкообразное или вогнутое лезвие. Угол заострения составляет 70°–80°, ширина лезвия около 0,5–0,8 см, длина 0,9–1,3 см (рис. 1: 1–5). На внешней поверхности эмали у края кромки лезвия видны прижизненные

следы: диагонально расположенные по отношению к длинной оси изделия, иногда пересекающиеся, царапины. Кромка лезвия у данных орудий в поперечном сечении трапецевидная или арочных очертаний, поверхность лезвия в средней части выкрошена в результате работы, кроме того, выкрошенность локализуется у внешней части кромки. Орудия из нижних челюстей грызунов практически не нуждались в обработке (рис. 1: 6, 7). Зуб, заточенный на абразиве с внутренней стороны, служил острым лезвием такого орудия, а нижняя челюсть – рукояткой. Характер сработанности и морфология орудий указывает на их использование в качестве стамесок, дополнительно сочетавших в себе функцию резчиков и скобелей, для выполнения миниатюрных работ связанных с оформлением желобков или обработкой поверхности деревянных деталей и изделий.

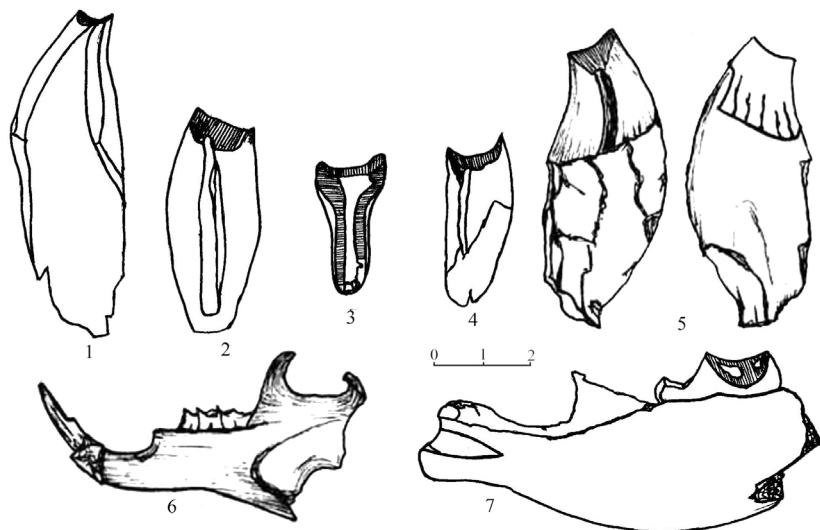

Рис. 1. Орудия из зубов (1–5) и нижних челюстей животных (6, 7) с поселения Мергень 6.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ЗОН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А.В. Сомов

Самарский государственный социально-педагогический университет

Вопрос взаимодействия неолитического населения лесостепной и лесной зон Среднего Поволжья в настоящее время не потерял своей актуальности и многие его аспекты до сих пор являются дискуссионными (Выборнов, 2017). Изготовле-

ние керамики в Марийском Поволжье связывается с проникновением елшанских коллективов лесостепного Поволжья позднего (луговского) этапа в первой половине VI тыс. до н.э. Так, в лесной зоне широкое распространение получают прямостенные сосуды с плоским дном, украшенные лишь сквозными отверстиями или ямочно-жемчужным пояском под срезом венчика. Однако новые результаты полевых исследований позволяют уточнить процессы их взаимодействия. Так, на стоянке Сокольный XII был обнаружен профилированный сосуд с миниатюрным плоским дном, орнаментированный прочерченными линиями, который находит ближайшие аналогии в материалах раннего этапа елшанской культуры. Ввиду этого можно предположить, что проникновение в лесную зону Поволжья отдельных елшанских групп могло происходить в конце VII тыс. до н.э.

Далее, благодаря средневожским коллективам лесостепной зоны, происходит зарождение и широкое распространение накольчатой орнаментальной традиции в среде неолитического населения Марийского Поволжья. При этом данный процесс происходил не в результате прямого проникновения средневожских коллективов в лесную зону, а вследствие передачи керамической традиции по цепочке через территорию сурско-мокшанского и волго-камского междуречий. Вместе с этим связь лесостепного и лесного населения нельзя представить как одностороннее влияние юга на север. Так, в материалах Самарского Поволжья можно выделить ряд признаков лесной традиции. Представленные процессы допустимо определить в рамках середины VI – последняя четверть V тыс. до н.э.

В конце V тыс. до н.э. территория Марийского Поволжья оказывается в ареале носителей культуры с ямочно-ребенчатой керамикой. Начиная с этого времени значительных связей между неолитическим населением данного региона и лесостепными средневожскими коллективами не наблюдается.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»

Список литературы

Выборнов А.А. Спорные вопросы изучения раннего неолита Марийского Поволжья // Поволжская археология. 2017. №1 (19). С. 38-49.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАБОЛОТСКОГО ТОРФЯНИКА В ПОДМОСКОВЬЕ

А. Н. Сорокин¹, А. В. Панин²

1 - Институт археологии РАН

2 - Институт географии РАН

Изучение процесса заселения Центра Русской равнины в эпоху позднеледниковья (LGT) вплоть до последнего времени затруднялось преобладанием в научной среде мнения о том, что значительная его часть была затоплена крупными приледниковыми озёрами (Квасов, 1975). В соответствии с этой гипотезой наличие Тверского приледникового озера, покрывавшего всю Верхне-Волжскую низменность

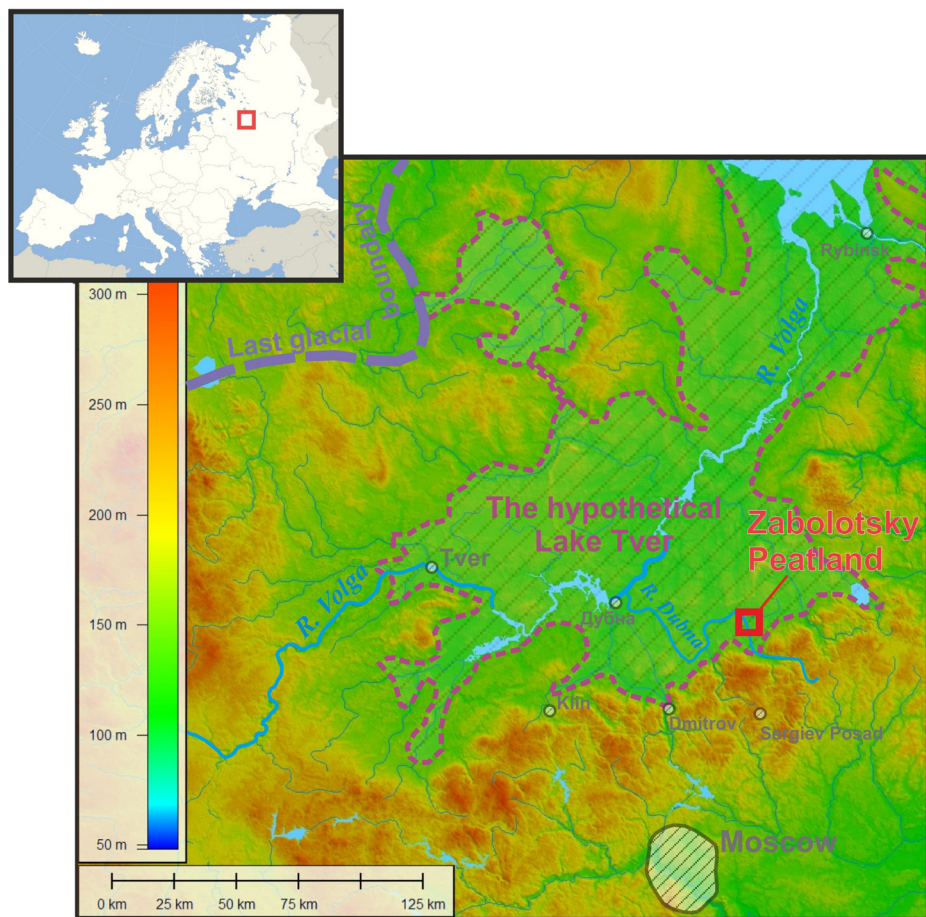

Рис. 1. Местоположение Заболотского торфяника на территории Центра Европейской России.

и её составную часть – Дубнинскую низину, исключало возможность освоения этих обширных территорий вплоть до рубежа плейстоцена – голоцена, когда в процессе дегляциации они, наконец, обсохли.

В 2018–2021 гг. совместной экспедицией ИА РАН и ИГ РАН под руководством авторов на территории Заболотского торфяника в Подмосковье (рис. 1) были проведены геoaрхеологические исследования, включавшие изыскания в области четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, палеопочвоведения, тафономии и широкого спектра археологических исследований с использованием БПЛА, тахеометрии, геофизического и дистанционного зондирования, механического бурения мобильной буровой установкой и компьютерного моделирования. А также была выполнена серия почвенных и радиоуглеродных анализов образцов из скважин, фоновых и объектных почвенных материалов и артефактов.

В результате было установлено, что в течение поздневалдайской ледниковой эпохи (LGT) на территории Дубнинской низменности господствовали не озёрные, а флювиальные условия рельефообразования, что создавало потенциальную возможность заселения территории уже в это время. AMS-даты образцов смолы из пазов костяных и роговых артефактов эпиграветтской рессетинской культуры определяют начало этого события около 15500 cal BP. В раннем голоцене рессетинские традиции были унаследованы популяциями заднепилевской культуры.

Сезонные миграции рессетинского и заднепилевского населения фиксируются не только материалами Русской равнины, но и Скандинавского полуострова, где представлены индустрией «восточного импульса». Детализация картины культурно-исторического развития Восточной и Северной Европы требует существенно-го расширения полевых изысканий.

Исследование выполнено в составе государственных плановых заданий ИА РАН (НИ-ОКТР № 122011200265-6 «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований») и ИГРАН (FMGE-2019-0005)

ПРОТОВОЛОСОВСКАЯ КЕРАМИКА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ПАРФЁНКОВО 1

В.В. Ставицкий¹, В.В. Морозов², В.Н. Карманов³, А.Л. Смирнов³

1 - Пензенский государственный университет

2 - ООО «Археология Восточно-Европейской равнины»

3 - Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,

4 - Институт археологии РАН

Поселение Парфёново 1 расположено на территории зандрово-аллювиальной низменности Верхневолжской физико-географической провинции, в Серги-

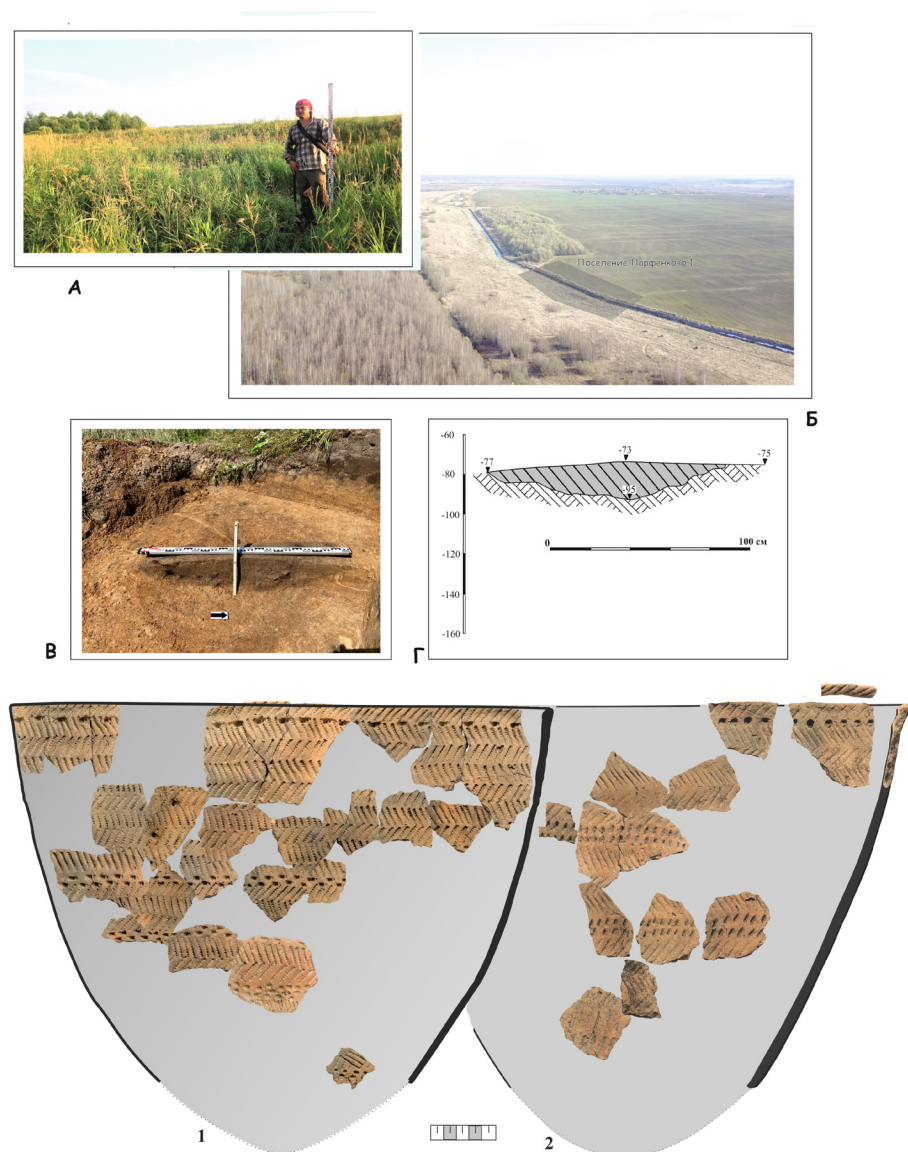

Рис. 1.

А – вид на поселение Парфёновое 1 с севера; Б – поселение Парфёновое 1. Вид с БПЛА (выс. 110 м); В – разрез ямы №1 с развалами протоволоховской керамики (фото); Г – разрез ямы №1 (чертеж); 1–2 – протоволоховские сосуды из ямы №1.

ево-Посадском г.о. Московской обл., на левобережье р. Дубна – правого притока р. Волга, в 1,09 км к востоку от д. Парфёново. Территория памятника занимает водораздел – северный склон Клинско-Дмитровской гряды (притеррасная дюна) (рис. 1: А). Восточная граница поселения примыкает к торфянику, поросшему кустарником и молодым осиновым лесом. На рубеже 1970-х – 80-х гг. культурный слой был значительно разрушен проведенными здесь мелиоративными работами (рис. 1: Б), однако его непотревоженные участки сохранились в ямах (рис. 1: В). При зачистке «материка» были выявлены контуры ямы, размерами 120х90 и глубиной 22 см, в заполнении – плотная темно-серая и светло-серая (по краям) супесь, с обильными включениями мелких фрагментов древесных углей, костей и керамики (рис. 1: Г).

В яме было выявлено около трехсот фрагментов керамики, большая часть которой оказалась связана с развалами 5 сосудов, имеющих открытую форму. Преобладает рецептура «илистая глина + органический раствор» в различной концентрации, в ряде случаев также фиксируется примесь шамота и раковины. Орнамент состоит из гребенчатого крупнозубчатого штампа (ряды наклонно поставленных оттисков; разнонаправленных – «ёлочка горизонтальная», наклонный зигзаг; заштрихованные ромбы, сделанные тем же штампом), которые чередуются с округлыми и подквадратными ямками. Внешняя поверхность сосудов лощеная светло-коричневого цвета, внутренняя – нередко заглажена гребенчатым штампом (рис. 1: 1–2).

Парфёновская керамика аналогична протоволоховской посуде новоильинских и красномостовских памятников Волго-Камья, общими признаками для которых является посуда, украшенная крупнозубчатым гребенчатым штампом с орнаментированными срезами венчиков, штриховым заглаживанием внутренней поверхности сосудов. Носители этих культур обитали в лесной зоне в конце V тыс. до н.э. (около 4200-4100 cal BC) перед появлением энеолитических культур с пористой (с примесью раковины в тесте) керамикой: волоховской – на Верхней и Средней Волге, и гаринской – в бассейне р. Кама. Сложение данных орнаментальных традиций на Верхней Волге, видимо, связано с тем, что для орнаментации посуды больше не используется глубокая белемнитная ямка, поэтому такую керамику можно характеризовать как гребенчатую. На Валдае белемнитная ямка в орнаменте никогда не использовалась, поэтому подобная традиция складывается там раньше, что создает иллюзию миграции (по В.В. Сидорову). На тех территориях, где ямочно-гребенчатой керамики ранее не было, по-видимому, продолжается развитие прежних гребенчатых традиций.

КОНЦЕПЦИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЦЕДМАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ: СМЕНА ПАРАДИГМ

Е.С. Ткач

Институт истории материальной культуры РАН

Впервые материалы цедмарской (серовской) культуры были выявлены и изучены в начале XX в. на территории Восточной Пруссии (сейчас юго-запад Калининградской области). Сохранность органических материалов (в первую очередь, изделия из кости и рога), нетипичная посуда (плоскодонная керамика с примесью дресвы) сразу вызвали интерес в археологической среде.

Изначально большинство исследователей прослеживали аналогии в материалах культуры Эртебелле-Эллербек – одной из наиболее хорошо известных и изученных культур в первой четверти XX века, в которой широко представлены изделия из кости и рога.

После выхода публикации А. Айряпаа в 1930 г. (Europaeus-Äyräpää, 1930) многие исследователи начали прослеживать сходства с первым (сперрингс) и вторым (типичная гребенчатая) выделенными Айряпаа стилями керамики. Причем это относится не только к материалам цедмарской культуры, но и в целом для Пруссии.

Начиная с 1950-х гг. появилась концепция о связях с культурами балканского неолита и днепро-донецкой культурой. В первую очередь, это было связано с планомерными исследованиями на территории Центральной Польши.

Возобновление исследований на цедмарском торфянике в 70-х гг. В.И. Тимофеевым возродило концепцию появления цедмарской культуры под влиянием с востока и юго-востока – нарвской и неманской культур. В то же время широко-масштабные исследования материалов культуры воронковидных кубков в Польше позволили ученым проследить аналогии и в этом круге культур.

Согласно мнению В.И. Тимофеева, цедмарская культура расположена на периферии культуры воронковидных кубков в зоне контакта с культурами «лесного» неолита (нарвская и неманская) (Тимофеев, 1997. С. 77). По мнению В. Гуминьски, исследующего памятники цедмарской культуры (Щепанки, Дудка) на северо-востоке Польши, истоки цедмарской культуры следует искать исключительно в южном и западном направлениях, исключая влияние «лесных» культур (Gumiński, 2020. P. 150).

Малочисленность как радиоуглеродных датировок, так и результатов естественно-научных анализов, а также небольшое количество исследованных памятников не позволяют однозначно выявить истоки формирования цедмарской культуры. Однако, как нам кажется, исключительное положение между носителями двух различных хозяйственных укладов – земледельцев и охотников-рыболовов-собирателей – сыграло одну из ведущих ролей при формировании цедмарской культуры.

Работа выполнена при поддержке РФФ проект № 23-78-01172 «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области».

Список литературы

Gumiński W. The oldest pottery of the Para-Neolithic Zedmar culture at the site Szczepanki, Masuria, NE-Poland // Documenta Praehistorica. 2020. Vol. 47. P. 126–154. <https://doi.org/10.4312/dp.47.8>

Europaeus-Äyräpää A. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finnland // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1. S. 165–190.

Тимофеев В.И. Связи культур позднего каменного века Скандинавии и Восточной Европы // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб. 2007. С. 73–85.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ПРИ ОБРАБОТКЕ РОГА И КОСТИ В НЕОЛИТЕ И ЭПОХУ БРОНЗЫ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ МАЯК 2

Д. Н. Федорова, А. И. Мурашкин, С. Д. Такташева

Институт истории материальной культуры РАН

Коллекция поселения Маяк 2 в Мурманской области сформирована в результате раскопок 1979–1984 гг., материалы относятся к неолиту – бронзовому веку. Она включает около 1800 предметов из кости, рога и зубов животных, а также не менее 50 000 – из кварца, сланца, кремня, песчаника, пемзы (Гурина, 1997. С. 56–67, 85–89). В рамках комплексного изучения артефактов из твердых органических материалов наша задача – выявить использованные для их обработки каменные орудия. На основании типологического, технологического и экспериментально-трассологического метода предполагается описание морфологии, фиксация и классификация следов использования, соотнесение их со следами на роговых и костяных изделиях. Интеграция результатов изучения каменных, а также костяных и роговых артефактов позволит подробно описать развитие косторезного производства на протяжении 5–2 тысячелетий до н.э. в Северной Фенноскандии.

По подсчетам В.Я. Шумкина во время раскопок поселения было найдено 152 456 предмета из кварца, 28423 из сланца, 411 из кремня и 259 из других пород камня (Шумкин, 1984. С. 54). Для анализа нами было отобрано 103 кремневых

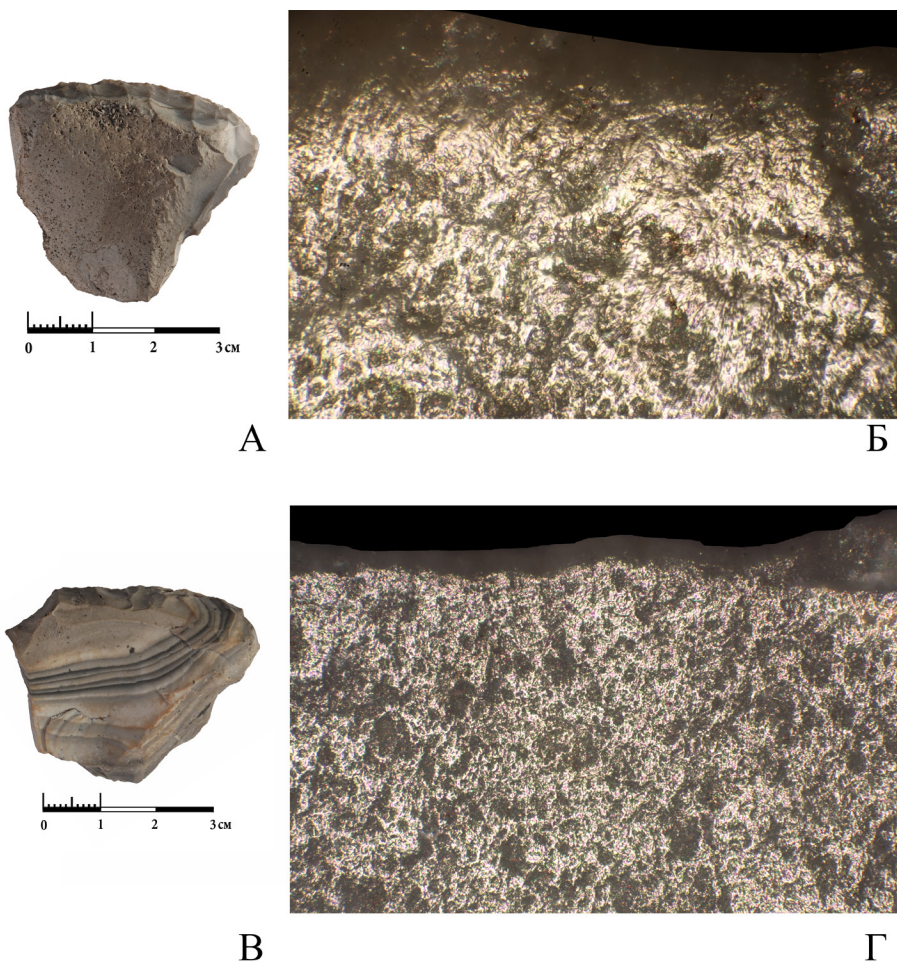

Рис. 1. Поселение Маяк 2.

А, В – кремневые скребки Мк2-81-61 и Мк2-84-1180; Б, Г – микрофотографии следов использования от работы по шкуре, увеличение $\times 100$.

и 35 сланцевых изделий. Поверхность большинства сланцевых орудий сильно эродирована и лишь на некоторых сохранились зашлифованные участки, на которых возможно обнаружение следов их изготовления и использования. Кремневое сырье памятника чрезвычайно разнообразно по качеству, традиционно к нему относят как непосредственно кремнь, по всей видимости, импортный, так и различные окремненные породы, возможно, местные. Большинство кремневых изделий имеют хорошую сохранность поверхности, пригодную для трасологического исследования следов. В результате исследования выявлены сланцевые орудия, использовавшиеся для рубки рога северного оленя при первичной обра-

ботке и получения заготовок. Среди кремневых орудий удалось выявить серию скребков по шкуре (рис. 1), а также инструменты с функцией резания, скобления/строгания по кости и рогу. Данные операции применялись на стадии оформления изделий и их переоформления или подточки лезвий. Финальная обработка включала шлифовку, для которой использовались абразивы из песчаника и пемзы. Они найдены на поселении в значительном количестве. Пемза – специфический местный материал, встречающийся в морских отложениях в виде галек. На многих из них фиксируются узкие желобки, образовавшиеся от шлифовки и заточки тонких костяных изделий – игл, проколов, наконечников, стержней и др. Следы шлифовки пемзой нами зафиксированы и описаны впервые в трасологических исследованиях. Выполнена серия экспериментов, подтвердивших наблюдения, сделанные при обработке коллекции.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект №23-28-00543: “Традиции косторезного производства в арктической зоне Фенноскандии в неолите и бронзовом веке”.

Список литературы

Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение. 1997. 240 с.

Шумкин В. Я. Каменная и костяная индустрии мезолита – раннего металла Кольского полуострова: Дис. ... канд. ист. наук. Л. 1984. 227 с.

КРЕМНЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ, КОПИЙ/ДРОТИКОВ НАЧАЛЬНОГО И РАННЕГО НЕОЛИТА ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

Н.А. Цветкова

Российский этнографический музей

Кремневые наконечники стрел, копий/дротиков являются одними из маркеров материальной культуры населения начального и раннего неолита Верхней Волги.

Наконечники стрел начального неолита (7100/7000 – 6600/6400 uncal BP) ассоциируются с волго-окской АК (пластинчатый технокомплекс; керамика с разреженной тычково-накольчатый орнаментом). Это орудия с выделенным черешком, листовидной формы и изделия т.н. «индивидуальных» форм. Обработка ретушью занимает менее чем $\frac{3}{4}$ поверхности заготовки – пластины/пластинчатого отщепа.

Наконечники с выделенным черешком – либо с треугольным, либо с округлым, либо с прямым насадом. У всех фиксируется подработка острия и пера, а также

насада на дорсальной и вентральной поверхностях (в разных сочетаниях).

В меньшем количестве представлены орудия с контурной ретушью, изготовленные на пластинах и (реже) на пластинчатых отщепах. Пропорции и вторичная обработка последних идентичны первым.

Наконечники стрел «индивидуальных» форм: 1) подромбический с обработкой дорсальной (по 3-м сторонам) и вентральной (насад и острие) ретушью; 2, 3) с боковыми выемками, изготовленные на микропластинках очень удлиненных пропорций (импорт/инокультурная примесь?); 4) с выделенным трапециевидным черешком на отщепе с шлифовкой, и с контурной дорсальной обработкой.

Наконечники стрел раннего неолита (6500 – 6000/5900 uncal BP) ассоциируются с верхневолжской АК (отщеп – основная заготовка, бифасиальная техника изготовления наконечников и «ножей»; керамика с ложно-шнуровой, прочерченной, пунктирной, коротко- и длинно-зубчатой орнаментацией). Обработка их ретушью занимает более чем $\frac{3}{4}$ поверхности заготовки – отщепа. Известны орудия с треугольным пером и насадом (края скруглены); с треугольным пером, трапециевидным насадом (края скруглены); изделия листовидной и ромбической форм. Возможно, что некоторые из них относятся к развитому неолиту (льяловская АК).

Наконечники копий/дротиков представлены 5-ю орудиями. Первый наконечник – со слабо выделенным черешком, обработанный сплошной дорсальной и краевой вентральной ретушью (с 3-х сторон). Остальные – листовидной формы. Целый наконечник – с обработкой дорсальной поверхности струйчатой ретушью и черешка – пологой вентральной. Два фрагмента бифасов (острия) побывали в огне. Последний бифас, вероятно, находился в стадии доработки.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ МАЛООКУЛОВСКАЯ 3 И МАЛОЕ ОКУЛОВО 19 В НИЖНЕМ ПООЧЬЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ И ТИПОЛОГИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ

В.А. Чаукина, Д.К. Еськова, С.Н. Чаукин, К.Н. Гаврилов

Институт археологии РАН

В 2021 г. в Навашином городском округе Нижегородской области вблизи дд. Малое Окулово и Волосово проведены спасательные археологические раскопки мезолитических стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19, расположенных в непосредственной близости друг от друга.

Стоянки приурочены к дюнообразному всхолмлению в пойменной части правого берега р. Велетьмы (правый приток р. Оки). Граница между памятниками

является условной, т.к. перерывов в распространении находок не фиксируется. Общая территория двух памятников вытянута СЗ на ЮВ на 141 м. Исследованная площадь двух стоянок в сумме составила более 7 тыс. кв. м. В результате раскопок зафиксировано свыше 21 тыс. индивидуальных находок на стоянке Малоокуловская 3 и свыше 10 тыс. находок на стоянке Малое Окулово 19.

Оба памятника являются палимпсестами, выявлены материалы мезолита, неолита, бронзового века и средневековья. При этом большая часть выявленных скоплений и объектов в обоих случаях относятся к эпохе мезолита. По основным технико-типологическим характеристикам каменный инвентарь стоянок Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19 сходен. В качестве сырья в основном использовался моренный кремнь, в единичных случаях – опока. На обеих стоянках выявлены предметы, относящиеся ко всем этапам расщепления камня: от пренуклеусов до готовых орудий и сколов их оживления. Скалывание как крупных пластин, так и пластинок осуществлялось в технике удара с использованием посредника. Признаков использования техники отжима не выявлено в материалах стоянок. Основными заготовками орудий служили пластины, пластинки и отщепы. В орудийном наборе доминируют скребки, резцов существенно меньше. Выразительными сериями представлены шлифованные орудия (тесла, долота), зубчато-выемчатые орудия, проколки, пластины и пластинки с ретушью, ножи, острия и наконечники, в том числе, черешковые.

На стоянках Малое Окулово 19 и Малоокуловская 3 зафиксировано большое количество скоплений расщепленного кремня и фрагментированных костей животных и рыб. При этом, наиболее плотные и насыщенные скопления (три на стоянке Малоокуловская 3 и три на стоянке Малое Окулово 19) имеют геометрические очертания. Сохранность слоя различна на стоянках Малоокуловская 3 и Малое Окулово 19. Так, в случае с пространственной структурой стоянки Малоокуловская 3, все три наиболее плотных скопления зафиксированы как углубленные объекты с плоским дном, выявленном благодаря цветности заполнения. На стоянке Малое Окулово 19 заполнение в объектах не отличалась по цвету от остального культурного слоя. В результате построения микропрофилей скоплений удалось определить, что форма дна и размеры объектов, в целом, соотносятся с зафиксированными на стоянке Малоокуловская 3.

Диаметр скоплений-объектов существенно варьирует: от 3,5 м до 11 и глубине до 0,6 м. Пять из шести описываемых скоплений-объектов стоянок Малое Окулово 19 и Малоокуловская 3 имеют сходную топографическую приуроченность: они расположены на понижениях склонов дюны, и лишь одно приурочено к ее верхней части.

Сходство материалов и пространственной структуры стоянок Малое Окулово 19 и Малоокуловская 3 позволяет рассматривать их в едином контексте при обсуждении вопроса региональной специфики мезолита Нижнего Поочья.

КУЛЬТУРА НОСИТЕЛЕЙ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ В МАРИЙСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ. СТОЯНКА УДЕЛЬНЫЙ ШУМЕЦ V: МАТЕРИАЛЫ К АНАЛИЗУ ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА

Е.Г. Шалахов

Юрино, «Замок Шереметева»

Осенью 2011 г. автором были осмотрены археологические памятники, расположенные на левом берегу Чебоксарского водохранилища – в 500 м к югу от д. Удельная (в недавнем прошлом – Удельный Шумец) Юринского района Республики Марий Эл. Основным объектом обследования стала дюнная Удельно-Шумецкая V стоянка эпохи неолита, открытая Марийской археологической экспедицией в 1957 г. и частично изученная А.Х. Халиковым в начале 60-х гг. прошлого века (Халиков 1960. С. 34; Халиков 1969. С. 101–102; Никитин, Соловьев 1990. С. 57). В настоящее время памятник интенсивно разрушается под воздействием абразивных процессов, происходящих в зоне затопления Чебоксарского водохранилища.

В размытой части стоянки – на площади 12×1,5 м выявлены обломки лепных неолитических сосудов, отщепы и осколки кремня, окремнелого известняка и кварцита; заготовки орудий и завершенные кремневые изделия.

Керамика из сборов представлена фрагментом верхней части сосуда с плоско-срезанным краем венчика и двумя фрагментами стенок. Толщина их колеблется от 0,6 до 0,8 см. Все орнаментированы оттисками гребенки разной длины и рядами конусообразных ямочных вдавлений, сделанных при помощи белемнита, найденного вместе с керамикой.

Посуда, собранная на Удельно-Шумецкой V стоянке, находит почти полные аналогии в керамических комплексах поселений ямочно-гребенчатого неолита Марийского Поволжья (Никитин, Соловьев 1990. С. 52–53. Рис. 16: 2, 6; Никитин 1996. С. 55–63).

Каменный инвентарь Удельно-Шумецкой V стоянки состоит из нуклеуса (рис. 1: 1), ножевидных пластин с ретушью (рис. 1: 2), ножа на пластинчатом отщепе (рис. 1: 4), нескольких концевых скребков на отщепах (рис. 3: 3, 5) и обломка обушковой части шлифованного тесла (рис. 1: 6).

В целом, коллекция каменных предметов, собранная на разрушающемся памятнике, по типологическому составу близка орудийным наборам с ямочно-гребенчатых поселений Средней Волги (Никитин 1996. С. 52–54).

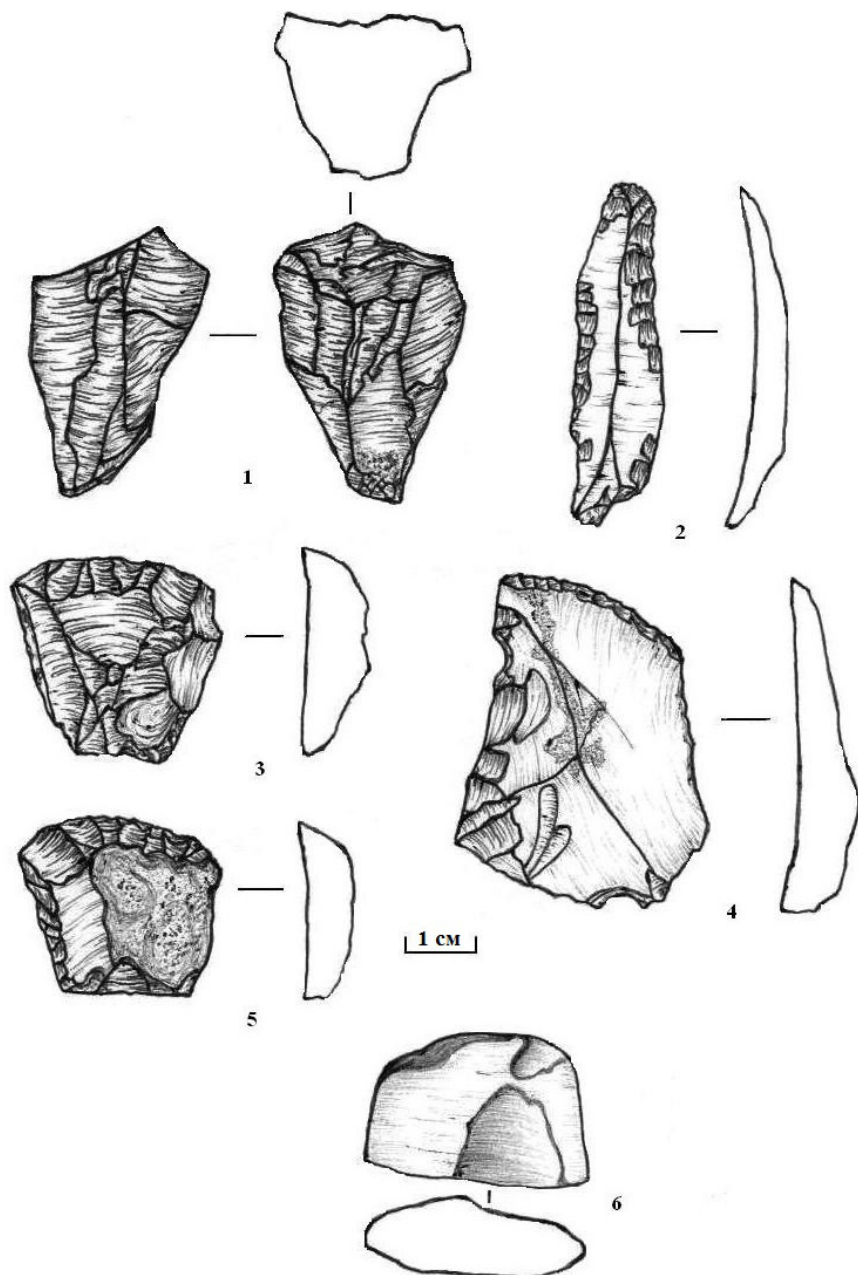

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Удельный Шумец V в Марийском Заволжье.

1 – нуклеус; 2 – пластина с ретушью; 3,5 – скребки; 4 – нож; 6 – обушковая часть рубящего орудия из доломита. 1–5 – кремь; 6 – доломит.

Список литературы

Халиков А.Х. 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 188 с.

Халиков А.Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 396 с.

Никитин В.В. 1996. Каменный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат. 180 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. 1990. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 244 с.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ И МОБИЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ

В.Я. Шумкин

Институт истории материальной культуры РАН

Люди современного типа (вид *Homo sapiens*), а, вероятно, и *Homo neanderthalensis* верхнего палеолита уже несомненно обладали творческими способностями и повсеместно применяли их во всех сторонах своей материальной и духовной жизни и воплощали в разных материалах. К сожалению, время не пощадило огромного количества свидетельств подобной деятельности, а многие ещё не открыты археологами, но то, что вся жизнь древних людей было насыщена творческими импульсами, вряд ли может вызывать сомнение. Отголоски сложившихся на прародине мировоззренческих представлений, пионеры заселения Арктического побережья Фенноскандии сохранили и воплотили в виде крупномасштабных петроглифов («прошлифованные» профильные линейные изображения лосей, медведей, китообразных) на скалах западной Норвегии на рубеже перехода от плейстоцена к голоцену (10 тыс. л.н.). В Русской Лапландии (Кольский полуостров) нами обнаружены писаницы (полуостров Рыбачий) в виде небольших, в основном, геометрических фигур (рис. 1), выполненных красной охрой в мезолитическое время (8 тыс. л.н.). Других следов явной не-утилитарной творческой деятельности почти не сохранилось. Неолитический период (6–4 тыс. л.н.) тоже крайне беден такими находками, но в это время появляется новый благодатный материал для творческой деятельности – керамика и начинается возрождение петроглифической деятельности (Чальмн-Варрэ в центральной части, Канозеро на юге Кольского полуострова). В эпоху раннего

Рис. 1. Писаницы Пяйве на полуострове Рыбачий в Мурманской области – самые древние (8 тыс. л. н.) и единственные в Российской Арктике наскальные изображения.

металла (4–2,5 тыс. л. н.) наступает расцвет наскального искусства (Канозеро, Чальмн–Варрэ на р. Поной) и одновременно фиксируется «всплеск» духовной практики в виде исполнения художественных предметов из камня, кости, рога, моржового клыка (Кольский Оленеостровский могильник, Маяк 2, Мыс 7, Усть–Дроздовка, Дроздовка–застава, Песканец). История духовного развития древнего населения Лапландии демонстрирует определенное сохранение и преемственность традиционных мировоззренческих представлений многих поколений. Более того, можно предположить, что даже при возникновении кризисных ситуаций, и появлении определённого регресса в материальной культуре населения, духовные практики, традиционная творческая деятельность сохранялись значительно более длительное время, чем чисто технологическая. Вероятно, сбережение и развитие духовной культуры было немаловажным фактором выживания и адаптации населения в экстремальных условиях Арктики.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ – ДОБРОЕ 31, ПОСЕЛЕНИЕ

Е.С. Юркина, А.В. Кокоткина

*Самарский государственный социально-педагогический университет
ЛРНОО «Археологические исследования»*

В 2020 г. разведочным отрядом ЛРНОО «Археологические исследования» у села Доброе в Добровском районе Липецкой области проводились разведочные работы, в ходе которых проведен осмотр заболоченной поймы р. Воронеж (бассейн Дона) на территории природного ландшафтного заказника «Добровский» и открыто многослойное поселение Доброе 31. Площадь поселения составляет 14218,32 кв. м (Кокоткина, 2020). В шести из десяти шурфов 1x1 м выявлен археологический материал: неолитической среднедонской (VI тыс. до н.э.) и льяловской культур (2-я пол. V тыс. до н.э.), катакомбной (сер. III тыс. до н.э.) и срубной (сер. II тыс. до н.э.) культур эпохи бронзы (Кокоткина, 2022).

В 2021 г. заложен в восточной части поселения вокруг разведочного шурфа №6 заложен раскоп площадью 20 кв. м. Полученная коллекция состоит из 93 артефактов (Кокоткина, 2021).

Материалы среднедонской и льяловской неолитических культур залежали в слоях светло-серой супеси (III литологический слой) и черной погребенной почвы (IV литологический слой). Обнаружено 11 фрагментов керамики льяловской культуры. Ни одного венчика выявить не удалось, о форме и количестве сосудов говорить сложно. Вся поверхность керамики преимущественно орнаментирована рядами ямочных вдавлений. Выявлено также несколько фрагментов с ямочно-накольчатой и ямочно-гребенчатой орнаментацией.

Керамика среднедонской культуры представлена 45 фрагментами от четырех сосудов. Среди них один венчик с ямочными вдавлениями, нанесенными в один ряд, срез венчика – острый. Два фрагмента венчиков имеют ямочно-накольчатую орнаментацию и один без орнамента с округлым срезом венчика. Из-за малого размера венчиков сделать вывод о форме сосудов не удастся. Большинство фрагментов стенок сосудов без орнамента.

Коллекция каменного инвентаря состоит из 53 предметов. Они залежали преимущественно в слое черной погребенной почвы и с наибольшей вероятностью относятся к раннему этапу среднедонской культуры (начало – третья четверть VI тыс. до н.э.) (Смолянинов, 2020. С. 127). Орудия представлены 12 предметами, из которых – пять с резцовым сколом, два обломка скребков, проколка, массивный каменный отбойник, рубящее орудие из кремня, обломок черешка наконечника стрелы из кварцита, обработанный двусторонней отжимной ретушью и неопределенный обломок орудия.

Работа выполнена при поддержке Фонда Президентских грантов.

Список литературы

Кокоткина А. В., Юркина Е. С., Смольянинов Р. В. Разведочные исследования у с. Доброе в Липецкой области // Археологические открытия. 2020 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2022. С. 141-143.

Кокоткина А. В., Юркина Е. С., Кокоткин Д. Н., Горяинова Н. А. Материалы эпохи неолита с памятников у с. Доброе (по результатам разведочных исследований 2020 года) // Липецкая археологическая конференция молодых ученых: материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. С. 42–47.

Кокоткина А. В. Отчет к открытому листу №2875-2020 о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Доброе 31, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2021 г. // Архив ИА РАН.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона: монография. – Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО – автономная некоммерческая организация
БПЛА – беспилотный летательный аппарат
ГАУК СО – государственное автономное учреждение культуры Свердловской области
ГИС – географическая информационная система
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИГ РАН – Институт географии РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КарНЦ РАН – Карельский научный центр РАН
КолАЭ – Кольская археологическая экспедиция
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН
НИИ – научно-исследовательский институт
НЦ – Научный центр
РАН – Российская академия наук
РНФ – Российский научный фонд
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФГБУК – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
ФНИ ГАН – фундаментальные научные исследования государственных академий наук
Cal BC – calibrated years before Christ
Cal BP – calibrated years before the present
LGT – Late glacial transition

Научное издание

**ЛЕСНАЯ ЗОНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ:
ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы междисциплинарной конференции

Москва, 21 - 23 ноября 2023 г.

Тезисы докладов

Верстка, дизайн: Д.И. Чечушкова

Электронное издание

Подписано к публикации 20.12.2023.

Институт археологии Российской академии наук

117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19